

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

ИСТОРИЯ ПЕРВОГО

Донское казачество и его судьба.

Много приходилось страдать нашему отечеству отъ вѣшнихъ враговъ. Въ XIII вѣкѣ пришли изъ Азіи татары и покорили Русь. Пришли они цѣлыми семьями, со своимъ добромъ и пожитками, поселились на югѣ Россіи и основали здѣсь свое царство Золотую Орду. Тяжело было русскимъ имѣть сосѣдями татаръ; они не оставляли русскихъ въ покоѣ, то и дѣло совершали свои набѣги на сосѣднія русскія княжества: придуть за данью, сожгутъ деревню, захватятъ все добро крестьянское, уведутъ скотъ, а то и самихъ жителей въ плѣнъ заберутъ. Защиты отъ татаръ никакой не было. Широкія степи тянулись на югѣ безъ конца, и путь къ русскимъ предѣламъ лежалъ свободный. Больше всего страдали отъ татарскихъ набѣговъ жители южной и восточной Россіи. Они не могли даже хозяйствомъ завестись, знали, что не сегодня—завтра набѣгутъ татары и уничтожатъ все. Не было у нихъ поэтому ни прочнаго пріюта, ни постоянного заработка. Вотъ почему жители южной Россіи издавна стали вести бродячую жизнь, скитаясь по обширнымъ степямъ своего отечества, занимаясь ловлею рыбы или просто грабежомъ.

Для того, чтобы оборонить себя отъ набѣговъ татаръ, русскіе князья и цари начали строить на окраинахъ своего государства города; въ иныхъ мѣстахъ рыли канавы, сооружали валы; на рѣкахъ, гдѣ были броды, по которымъ переходили татары, вбивали сваи и колья. Эту рядъ укрѣпленій и преградъ получилъ названіе порубежной линіи. На порубежную линію посылались отряды вооруженныхъ людей, которые должны были слѣдить за движеніемъ татаръ въ степи и охранять Русь отъ ихъ дикихъ набѣговъ. Эти люди, бывшіе на службѣ и жаловань у русскаго государства, получили названіе казаковъ.

Велики и широки были степи южной и восточной Россіи, просторны, глубоки и полноводны ея рѣки. Привольно жилось здѣсь казакамъ. Покоя имъ, правда, татары не давали. Но зато нечего здѣсь было бояться ни воеводъ, которые притѣсняли народъ, ни тяжкихъ податей. Вольная жизнь казаковъ начала манить къ себѣ и другихъ людей изъ обширнаго русскаго государства. Стали стремиться сюда всѣ, кому почему-либо плохо жилось на родинѣ. Усобицы же князей, татарскія насилія, притѣсненія помѣщиковъ, разныя неурядицы и неправды издавна развели на Руси много недовольныхъ людей. Не уживались эти люди дома, уходили въ степи на рубежъ и дѣлались казаками. Наступалъ ли голодъ, истребляли ли пожаръ имущество бѣдняка, разорили ли его въ концѣ войны,—бросалъ онъ свою родину и уходилъ въ казаки. Въ казаки шли, большею частью, люди безсемейные, удалые и отважные.

Сначала казаки уходили недалеко въ степь. Но съ той поры, какъ татарскія орды стали слабѣть, степное казачество росло все больше, уходило въ степь дальше и дальше. Татары поневолѣ должны были постепенно отодвигаться со своими кочевьями дальше къ югу, къ берегамъ Чернаго моря. Южныя же степи начали засѣляться казаками. Двигаясь все дальше и дальше, казаки передвигали къ югу и порубежную линію, устраивая новыя преграды татарамъ. Въ XVI вѣкѣ казачество распространилось по всѣмъ южнымъ и восточнымъ степямъ Россіи. Въ это время уже давно было свергнуто татарское иго и разрушена Золотая Орда. Но на югѣ все еще кочевали татары, беспокоившіе русскихъ своими набѣгами; кочевали они теперь по сѣверному берегу Чернаго моря и основали свое царство въ нынѣшнемъ Крыму. Вотъ съ этими-то крымскими татарами и пришлось вести борьбу казакамъ.

Казаки селились, большею частью, по берегамъ рѣкъ. Тѣ казаки, которые бѣжали изъ московской Руси, селились, главнымъ образомъ, по рѣкѣ Дону и назывались донскими казаками. Кромѣ донскихъ казаковъ, были еще казаки днѣпровскіе; они жили по берегамъ Днѣпра и

составлялись изъ бѣглыхъ юго-западной или литовской Руси.

Донскіе казаки постепенно образовали свою общину. Дѣла свои они рѣшали вѣчемъ или кругомъ. На вѣчѣ они сами выбирали себѣ предводителя, который назывался атаманомъ. Въ атаманы выбирался самый храбрый, самый удалой изъ всѣхъ казаковъ. Между донскими казаками скоро появилось много зажиточныхъ или „домовитыхъ“ казаковъ. Они жили своимъ домомъ, имѣли семью и, утвердившись на вновь приобрѣтенной землѣ, обрабатывали ее. Непочатая земля приносила необыкновенные урожаи. Домовитые казаки начали заниматься скотоводствомъ, торговлею и другими промыслами. Такимъ образомъ, этотъ пустынный край не только сталъ заселяться осѣдлымъ людомъ, но здѣсь начали развиваться земледѣліе и скотоводство. Домовитые казаки были люди спокойные и во всемъ повиновались московскому царю.

Но гораздо больше между казаками было бѣдняковъ. Назывались они голью и промышляли, главнымъ образомъ, разбоемъ и грабежомъ. По душѣ пришлась этимъ казакамъ широкая, разгульная жизнь. Хотя и они обѣщали повиноваться московскому царю, но они часто выбивались изъ-подъ его власти и дѣйствовали своевольно. Своеволіе у нихъ доходило до того, что они иногда входили даже въ дружбу съ татарами, сообща нападали на русскихъ, грабили въ степи проѣзжающихъ купцовъ, по рѣкамъ нападали на суда, нагруженные московскимъ товаромъ. Вѣли они борьбу и съ турками. Турки—магометанскій народъ, пришедшій еще въ XIV вѣкѣ изъ Азіи въ Европу; въ XV вѣкѣ турки покорили и разрушили знаменитую Византійскую или Греческую имперію; на ея мѣстѣ они водворили свое полудикое царство. Кромѣ того, турки подчинили своей власти многіе сосѣдніе народы, въ томъ числѣ и царство крымскихъ татаръ. Такимъ образомъ, они начали владычествовать на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря и сдѣлались сосѣдями русскихъ. Казаки своевольно нападали на турокъ, грабили и разбойничали по берегамъ Чернаго моря. Турки, думая, что казаки дѣйствуютъ по распо-

ряженію московскаго царя, озлоблялись противъ него. Московскіе же цари не хотѣли враждовать съ турками такъ какъ Турція было государство большое и сильное и воевать съ нимъ было опасно.

Въ XVII вѣкѣ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, казаки однимъ своимъ лихимъ своевольнымъ поступкомъ чуть не втянули Москву въ войну съ турками. При впаденіи Дона въ Азовское море находится городъ Азовъ, который въ то время принадлежалъ туркамъ. Затѣяли казаки веѣмъ войскомъ итти на Азовъ. Соединились съ днѣпровскими казаками, подступили къ городу и скоро заняли его. Отправили они въ Москву посольство съ радостною вѣстью о взятіи Азова. Для Москвы было выгодно завладѣть Азовомъ: отсюда можно было держать въ страхѣ крымскихъ татаръ, при случаѣ можно было попытаться завладѣть Крымомъ. Но войны съ турками царь не хотѣлъ. Поэтому онъ послалъ казакамъ строгій выговоръ за самовольство, туркамъ же отправилъ грамоту, въ которой оправдывалъ себя и обвинялъ во всемъ казаковъ. Но избѣжать злобы турокъ было уже трудно. За взятіе Азова крымскій ханъ, по приказанію турецкаго султана, сдѣлалъ набѣгъ на южную окраину Московскаго государства и опустошилъ ее. Къ Азову же турки послали большое войско, чтобы выбить оттуда казаковъ. Силы турокъ были громадны, болѣе 200 тысячъ человекъ. Съ турками былъ и крымскій ханъ со своими полчищами. Казаковъ въ Азовѣ было всего 15 тысячъ. Между ними были и казачки, которыя усердно помогали своимъ мужьямъ въ оборонѣ. Турки громили городъ съ моря и съ суши большими стѣнобитными машинами, рыли подкопы; наконецъ, пускали въ городъ записки, въ которыхъ сулили большія деньги за измѣну. Ничто не помогало. Ни одинъ перебѣжчикъ не являлся къ туркамъ, ни одинъ плѣнникъ подъ страшными пытками не сказаль даже о числѣ защитниковъ Азова. Пробившись попусту полгода, турки сняли осаду. Казаки извѣстили царя о своемъ торжествѣ и просили, чтобы онъ прінялъ отъ нихъ Азовъ подъ свое покровительство. Молодецкая оборона казаковъ обрадовала царя. Царь послалъ имъ

щедрое жалованье и похвалили ихъ въ своей грамотѣ. Тутъ возникъ трудный вопросъ, брать ли Азовъ отъ казаковъ или нѣтъ. Дѣло было заманчиво, но опасно. Принять Азовъ значило навлечь на Россію войну съ турками. Нужны были большія средства, ратная сила, а взять ихъ было неоткуда. Поэтому царь послалъ казакамъ приказъ покинуть Азовъ. Получивъ этотъ приказъ, казаки разрушили Азовъ до основанія, не оставивъ камня на камнѣ, и вышли изъ него. Когда громадное турецкое войско пришло отнимать Азовъ отъ казаковъ, то увидѣло лишь груды развалинъ. Московское правительство часто не знало, какъ поступать съ казаками: то совершенно отказывалось отъ нихъ, какъ отъ воровъ и разбойниковъ, то посылало имъ щедрые подарки, такъ какъ видѣло, что казаки могли наносить большой вредъ туркамъ и татарамъ и мѣшать ихъ набѣгамъ.

Много казаковъ погибло въ борьбѣ съ татарами, но число казаковъ на Дону не уменьшалось, а увеличивалось. Прибывало сюда много безпокойной голи, которая буйствовала, волновалась и, не слушая уговоровъ благоразумныхъ домовитыхъ казаковъ, часто возставала противъ власти Москвы. Бунты на Дону были нерѣдки, но ни одинъ изъ нихъ не надѣлалъ такихъ бѣдъ, какъ бунтъ, происшедшій въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Тяжело было жить на Руси въ то время: велось много войнъ; царю нужны были деньги, чтобы содержать войска, и потому подати были увеличены; чиновники, собиравшіе ихъ, притѣсняли жителей; крестьянамъ нечѣмъ было платить: войны и подати совсѣмъ разорили ихъ. Прежде крестьяне были вольные и по своему желанію могли переходить отъ одного помѣщика къ другому. При Алексѣѣ же Михайловичѣ они лишились возможности покидать нелюбимыхъ помѣщиковъ. Помѣщики притѣсняли ихъ. И вотъ больше прежняго понянуло недовольныхъ къ широкому Дону; сильнѣе стала манить ихъ вольная казацкая жизнь. Число бѣглецовъ на Дону все болѣе и болѣе увеличивалось. Случилось такъ, что крымцы загородили казакамъ входъ въ море: наступилъ на Дону голодъ; жить бѣ-

днякамъ было нечѣмъ; беспокойно стало на Дону. А тутъ еще бѣжавшіе крестьяне смущали казаковъ разсказами о своей трудной жизни на родинѣ. Неудовольствіе казаковъ росло; готовилось возстаніе голодной, отчаянной казацкой толпы. Никто не рѣшался только поднять казаковъ, не находилось смѣлаго атамана. Наконецъ, явился такой человекъ въ лицѣ безшабашнаго казака Стеньки Разина.

Донской казакъ Степанъ Тимоѣевичъ Разинъ былъ человекъ съ свирѣпымъ, необузданнымъ правомъ и крѣпкою волею. Не любилъ онъ бояръ и людей чиновныхъ; еще больше возненавидѣлъ онъ ихъ послѣ того, какъ одинъ воевода повѣсилъ его брата за бѣгство съ поля битвы. И задумалъ Стенька недоброе дѣло, задумалъ итти на московское государство, поклялся истребить всѣхъ бояръ. Понравились казакамъ смѣлыя, грозныя рѣчи Стеньки, собралась около него шайка голяковъ. Двинулся Стенька съ этой толпой на Волгу, а тамъ черезъ Каспійское море къ устью Урала. Грабили казаки все на своемъ пути, убивали и вѣшали начальниковъ, а холопамъ давали свободу. Далеко разошлась молва о славномъ атаманѣ, толпами повалили къ нему народъ. Разгулялись казаки; съ ранняго утра пили и буянили, рѣзали и топили всѣхъ, кто чѣмъ-либо имъ не угодилъ. Но доставалось и казакамъ: много ихъ было убито, много умерло съ голода. Одумался, наконецъ, Стенька: увидѣлъ онъ, что довольно погуляли и потѣшились его казаки, и вернулся съ ними на Донъ. Но нелегко было усмирить расходившійся народъ; не сидѣлось и казакамъ на мѣстѣ: полюбилась имъ кровавая потѣха, распространился бунтъ и мятежъ по всему юго-восточному краю. Поднялись крестьяне, убивали помѣщиковъ и потомъ толпами приходили къ Стенькѣ. Пошелъ тогда Разинъ съ ними на Волгу. Разбилъ онъ войско, присланное царемъ, взялъ Астрахань, Царицынь, Самару, Саратовъ и подошелъ къ Симбирску. Здѣсь подошлѣлъ къ царскимъ войскамъ князь Барятинскій. Напалъ и на него Стенька; но счастье ему измѣнилось: онъ былъ разбитъ, и солдаты окружили мятежниковъ; Стеньку схватили, но

ему удалось бѣжать. Бѣжалъ онъ одинъ со своими казаками. Смутился народъ: шелъ онъ за Стенькой съ надеждою, что онъ измѣнитъ его тяжелое положеніе, вѣрилъ каждому слову своего атамана, безпрекословно подчинялся ему, думалъ, что ничто не сразитъ Стеньку, ничто не устоитъ передъ его силой. Но Стенька потерпѣлъ поражение, и пересталъ вѣрить народъ въ его силы чародѣйскія. Обманулъ его Стенька: въ минуту страшной опасности покинулъ онъ народъ; бѣжалъ одинъ, заботясь только о себѣ и не думая о горькой судьбѣ тѣхъ, которыхъ онъ самъ склонилъ на всѣ злодѣянія. Охлаждѣлъ народъ къ Стенькѣ и съ ненавистью отвернулся отъ него. Не было съ тѣхъ поръ удачи атаману. Бѣжалъ Стенька на Донъ, бѣжалъ на Волгу, но нигдѣ не принимали его. Съ пораженіемъ Стеньки вошли въ силу домовитые казаки, которые уговаривали народъ не поднимать новаго бунта. Въ Москвѣ Стеньку предали анаемѣ; отъ царя вышелъ приказъ изловить воровскаго атамана. Схватили сами казаки Стеньку и отправили въ Москву. Здѣсь его долго пытали и, наконецъ, повели на казнь. Взошелъ Стенька на плаху, перекрестился, поклонился народу на всѣ четыре стороны и сказалъ: „Простите“. Палачъ отрубилъ ему руку, потомъ ногу. Ни одного жалобнаго стона, ни одного звука не вырвалось изъ груди Стеньки, и отлетѣла его буйная голова.

Много пѣсенъ и удалыхъ, и грустныхъ сложилъ народъ про Стеньку. Поются эти пѣсни и въ наше время. До сихъ поръ живетъ въ народѣ страшная память о Стенькѣ; говоритъ народъ, будто Стенька не умеръ, а бѣжалъ изъ Москвы на Волгу; но ни Волга его не принимаетъ, ни мать сыра земля,—нѣтъ ему смерти.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй - тоска въ ретиво сердце;
Не сходить туману съ синя моря,

Ужъ не выйти кручинѣ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеснеть далече въ чистомъ полѣ,
Курится огонечекъ малешенекъ;
У огонечка разостланъ шелковый коверъ,
На коврикѣ лежитъ удалъ - добрый молодецъ,
Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаютъ молодецку кровь горячую;
Подлѣ молодца стоитъ тутъ его добрый конь,
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сыру-землю,
Будто слово хочетъ вымолвить своему хозяину:
Ты вставай, вставай, удалъ - добрый молодецъ!
Ты садись на меня, своего слугу;
Отвезу я добра молодца на родиму сторону,
Къ отцу, матери родимой, къ роду-племени,
Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ!
Какъ вздохнетъ тутъ удалой - добрый молодецъ;
Подымалась у удалого его крѣпка грудь,
Опустились у молодого бѣлы руки,
Растворилась его рана смертельная,
Пролилась ручьемъ кровь горячая;
Тутъ промолвить добрый молодецъ своему коню:
Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная!
Ты товарищъ въ полѣ ратномъ,
Добрый пайщикъ службы царской!
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое,
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.

Юго-западная Русь подъ владычествомъ Литвы и Польши.

Литовское племя жило, главнымъ образомъ, по рѣкѣ Нѣману. Это была лѣсная и болотистая страна, глухая, неплодородная, отрѣзанная отъ сосѣднихъ странъ. Литовцы были язычниками; они поклонялись солнцу, лунѣ, звѣздамъ, животнымъ; главный ихъ богъ былъ Перкунъ — богъ грома. Богамъ литовцы посвящали особые лѣса,

поля и воды; въ нихъ они не смѣли ни рубить деревья, ни пахать, ни ловить рыбы. Главное литовское святилище Ромове находилось въ серединѣ страны, въ глухой дубовой рощѣ; здѣсь поддерживался неугасаемый огонь. Литовскіе жрецы были въ большомъ почетѣ у народа; а власть главнаго жреца Криве-Кривейто была огромная: всѣ приказанія его безпрекословно исполнялись. Жрецы приносили богамъ въ жертву животныхъ, иногда же и людей; напримѣръ, въ благодарность за побѣду сжигали плѣнниковъ. Мертвецовъ литовцы сжигали; они вѣрили, что за гробомъ повторится земная жизнь умершаго, поэтому вмѣстѣ съ нимъ сжигали все, что онъ употреблялъ при жизни: всѣ его вещи, животныхъ и рабовъ. Смерти литовцы, вообще, не боялись: старики и увѣчные часто добровольно сжигали себя; случалось, что и жена по смерти мужа всходила на костеръ. Литовцы были очень бѣдны и вели полудикую жизнь.

Вся литовская земля раздѣлялась на мелкія владѣнія. Однако, вскорѣ послѣ татарскаго нашествія Литва соединилась въ одно цѣлое княжество. Съ этихъ поръ она сдѣлалась опасна для своихъ сосѣдей. Стала она понемногу захватывать и русскія земли, примыкавшія къ ней. Больше всего сдѣлалъ въ этомъ направленіи литовскій князь Гедиминъ. Это былъ князь очень умный; онъ понималъ, что всего лучше добиться присоединенія сосѣднихъ областей понемногу, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ. Такъ какъ литовцы не платили дани татарамъ, то русскимъ было выгодно переходить подъ власть Гедимины, тѣмъ болѣе, что онъ не притѣснялъ ихъ ни въ чемъ, позволялъ имъ править своими городами, какъ они хотѣли, оставлялъ имъ и вѣру православную. И стали тогда города русскіе одинъ за другимъ мѣнять худшую неволю татарскую на лучшую литовскую. При слѣдующемъ литовскомъ князѣ, Ольгердѣ, уже вся юго-западная Русь (области Кіевская, Чернигово-Сѣверская и Подольская) подпала подъ власть литовскую.

Русскіе были гораздо образованнѣе литовцевъ; поэтому они неволью вліяли на грубыхъ язычниковъ, учили ихъ лучше устраивать свою жизнь, знакомили съ реме-

слами, помогали имъ своимъ знаніемъ и опытностью. Стали литовцы понимать превосходство православной вѣры: многіе изъ нихъ бросали язычество и крестились. При Ольгердѣ въ главномъ городѣ литовскомъ Вильнѣ было уже нѣсколько православныхъ церквей. Самъ Ольгердъ былъ женатъ на русской княжнѣ; она старалась просвѣтить язычниковъ, а сына своего Ягелло воспитала въ православной вѣрѣ. Говорятъ, что и самъ Ольгердъ передъ смертью крестился. Да и русскій языкъ былъ въ большомъ ходу въ Литвѣ: по-русски говорили князья, по-русски писались всѣ грамоты. Русское вліяніе было тѣмъ болѣе сильно, что многіе русскіе жили въ самой Литвѣ, занимали тамъ разныя должности, служили въ дружинѣ княжеской. Такъ мирно распространялись въ Литвѣ православіе и русская образованность.

Но съ конца XIV вѣка дѣла пошли иначе. Рядомъ съ Литвой лежала католическая Польша. Поляки въ то время считались на востокъ самымъ образованнымъ племенемъ. Куда было до нихъ русскимъ! У поляковъ были уже и школы, и высшія училища; у нихъ было много книгъ; жили они роскошно, по понятіямъ того времени; не то, что бѣдные литовцы со своими лаптями да сермягами. Однако, Литва, присоединивъ къ себѣ юго-западную Русь, становилась опасна и для Польши. Тогда задумали поляки обезопасить ее для себя, и вотъ какимъ образомъ: польскій престолъ занимала въ то время королева Ядвига, поляки и придумали выдать ее замужъ за литовскаго князя Ягелло. Ядвига неохотно согласилась на это; у нея уже былъ женихъ красивый, ловкій, образованный; на Ягелло же она смотрѣла, какъ на полудикаря, пріѣхавшаго изъ бѣдной страны. Дѣлаясь польскимъ королевемъ, Ягелло обязался обратить всю Литву въ католичество: литовскіе идолы и святилища были разрушены; литовцы-язычники не сопротивлялись крещенію; дворянъ привлекали обѣщанныя вольности, а бѣдняки часто шли креститься ради бѣлой суконной одежды, которую раздавали при крещеніи. Не такъ легко обходилось дѣло съ литовцами-православными: тутъ иной разъ приходилось дѣйствовать и силой.

Ягелло поселился въ Польшѣ, а Литву уступилъ своему двоюродному брату Витовту. При Витовтѣ русскія области мало-по-малу отдѣлились отъ своей родной московской церкви. Витовтъ назначилъ особаго митрополита и велѣлъ ему жить въ Кіевѣ. Витовтъ постоянно стремился выйти изъ-подъ власти Ягелло, стать полновластнымъ королемъ, но Ягелло заботливо слѣдилъ за тѣмъ, чтобы Литва не отпала окончательно отъ Польши.

Соединеніе съ Литвой для Польши было выгодно: она разъ навсегда избавлялась отъ опаснаго сосѣда; для Литвы же оно, напротивъ, было очень невыгодно: поляки хотѣли быть полными хозяевами въ Литвѣ; они вводили тамъ всѣ свои порядки. Плохо пришлось и русскому населенію, а хуже всего крестьянамъ: полякамъ нетрудно было взять верхъ надъ русскими и литовцами, потому что они были гораздо образованнѣе ихъ. Русскіе дворяне изо всѣхъ силъ стали тянуться за богатыми польскими панамъ, которые вели роскошную жизнь, отличались спесью и чванствомъ. Много денегъ нужно было панамъ, и эти деньги собирались съ крестьянъ. А по законамъ польскимъ помѣщикъ имѣлъ надъ своими крестьянами полную власть: прогнѣвается панъ и не только отниметъ у беззащитнаго холопа все, что у него есть, но и самого убьетъ, если захочетъ; и за это ни отъ кого и дурного слова не услышитъ. Не даромъ тогда говорили: „Паны въ Польшѣ блаженствуютъ, какъ въ раю, а крестьяне мучатся, какъ въ аду“. Стало ополчаться русское дворянство, привлекаемое разными выгодами да вольностями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русскіе крестьяне изъ свободныхъ становились „холопами“. Тяжелая пора настала для нихъ.

Такъ мало-по-малу утверждалось польское владычество въ юго-западномъ краѣ. Двѣсти лѣтъ сопротивлялась Литва польской власти, но, какъ ни старалась удержать свою независимость, это ей не удалось. Въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ Литва вмѣстѣ съ юго-западной Русью была окончательно подчинена Польшѣ. Плакали литовскіе выборные, когда ѣхали домой съ сейма, гдѣ

сами должны были подписать приговоръ своей родинѣ; заплакалъ съ ними и весь юго-западный край, а особенно бѣдный людѣ, которому теперь нечего было ждать, кромѣ панской неволи.

Запорожское казачество.

Казакѣ, жившіе по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, получили названіе малороссійскихъ или украинскихъ. Они были отважны и воинственны, закалили свое мужество въ борьбѣ съ татарами-кочевниками. Въ мирное время занимались они рыбнымъ промысломъ, обрабатывали и засѣвали свои тучныя черноземныя поля. У казаковъ было особое военное устройство: они раздѣлялись на полки или округа, выбирали изъ своей среды главнаго начальника, гетмана. Не знали казаки никакихъ повинностей, не платили никакихъ налоговъ. Это привлекало въ казачество крестьянъ, которые находились въ этомъ краѣ подъ властью пановъ, т. е. дворянъ помѣщиковъ. Стремленіе народа въ казаки испугало пановъ. Поэтому поступавшихъ самовольно въ казаки поляки начали возвращать прежнимъ владѣльцамъ. Не понравилось это казакамъ, зародилась въ нихъ вражда противъ поляковъ, притѣснявшихъ ихъ.

Были между украинскими казаками и совершенно свободные, неподчиненные польской власти; это были такъ называемые запорожцы, представлявшіе изъ себя свободное военное братство. Запорожцы вели борьбу съ поляками, а также и съ крымскими татарами. За днѣпровскими порогами, на островахъ, завели эти казаки свои укрѣпленія, подъ названіемъ Запорожской Сѣчи или Коша. Благодатный былъ это край: кругомъ много рѣкъ, впадающихъ въ Днѣпръ, заливныя луга, лѣса, тучныя поля; и рыбы, и всякаго звѣря было вдоволь. Занимались здѣсь запорожцы скотоводствомъ. Край этотъ, благодаря имъ, постепенно заселялся и обогащался, а земля приносила большой урожай. Но много приходилось и терпѣть казакамъ: зимой терпѣли они отъ вьюговъ и урагановъ; лѣтомъ палящія лучи солнца выжигали

поля и степи, покрытыя весною сочною травою; а то туча саранчи налетитъ и въ нѣсколько дней уничтожить всю траву. Широко и привольно разлился здѣсь Днѣпръ; медленно и плавно течетъ онъ, омывая своими водами многочисленные острова, поросшіе густымъ, высокимъ камышомъ. Хорошее убѣжище представляли для казаковъ эти острова. Въ случаѣ опасности садились казаки на свои легкія лодочки и спасались отъ врага; пробирались они при этомъ по самымъ узкимъ мелкимъ протокамъ; густой камышъ скрывалъ ихъ; легкая лодочка быстро скользила по поверхности воды; ни одно судно не могло угнаться за ней и пройти по мелкому протоку.

И выросла здѣсь казацкая сила, воспиталась удалъ молодецкая и простота жизни. Принимались въ Сѣчѣ одни молодые, холостые казаки; женщины сюда не допускались подѣ страхомъ смертной казни. Не до семьи было этому военному братству, не до мирнаго сидѣнья дома, когда нужно было каждую минуту быть готовымъ на бой. Поблизости, въ зимовникахъ, казаки могли селиться хуторами, держать тамъ свои семьи и заниматься земледѣліемъ. Получило это военное братство особое управленіе. Весь казацкій станъ въ Сѣчѣ дѣлился на нѣсколько десятковъ отрядовъ, называвшихся куренями. Каждый курень выбиралъ себѣ куренного атамана; всѣ же курени вмѣстѣ избирали кошевого атамана и другихъ старшинъ: есаула, судью и писаря. По старому обычаю 1-го января совершалось избраніе новаго кошевого, если казаки были недовольны старымъ. Для этого казаки всѣхъ куреней собирались на сходку или раду. Чтобы собрать казаковъ на раду, обыкновенно били въ литавры; есаулъ выносилъ изъ церкви походное знамя; затѣмъ приходилъ кошевой съ палицей, за нимъ судья съ войсковою печатью и писарь съ чернильницей; наконецъ, собирались всѣ казаки. При выборѣ новаго кошевого часто происходили беспорядки: поднимался шумъ, гамъ, а иногда и драка; когда какая-нибудь сторона одолѣвала, то нѣсколько казаковъ шли въ курень за избраннымъ кошевымъ съ просьбой принять новую должность. Избранникъ, по обычаю, долженъ былъ два раза

отказаться и только на третій разъ согласиться принять новую должность. Когда онъ выходить на площадь, били въ литавры, отдавали новому кошевому честь; при этомъ совершался такой обрядъ: старѣйшіе казаки брали въ руки грязь и клали новому кошевому на голову. Этимъ ему напоминали, чтобы онъ не зазнавался и не забывалъ о смерти, о томъ, что и его земля со временемъ покроетъ.

Законы казаковъ были суровы; виновнаго въ кражѣ подвергали смертной казни. Жили казаки въ простыхъ шалашахъ, сплетенныхъ изъ хвороста и покрытыхъ дерномъ; обѣдать сходились за общій столъ; одежда казаковъ была тоже проста; любили они щеголять только оружіемъ да конями; головы они себѣ выбривали, оставляли только длинный чубъ на затылкѣ и запускали длинные усы. Въ мирное время шла широкая, безшабашная гульба на Запорожѣ. Кутить и пить безъ конца считалось молодечествомъ; любили казаки во время гульбы помѣриться силой, побуяннить, повольничать; были они охотники до веселаго пляса-казачка, любили слушать и пѣсни бандуристовъ. Все стихало, лишь только раздавался голосъ бандуриста; пѣли бандуристы о подвигахъ казацкихъ, пѣли о татарской и турецкой неволѣ, о злыхъ, ненавистныхъ басурманахъ. Съ люлькою во рту, повѣсивши буйныя головы и медленно покручивая усы, заслушивались этихъ пѣсень удалые молодцы. И возбуждали въ нихъ эти пѣсни удалъ и жажду подвиговъ. Всѣ казаки были какъ бы братья между собою; принимали они къ себѣ только тѣхъ, кто вѣрилъ во Христа, въ православную церковь; всѣ готовы были души свои положить за нее. Поднять оружіе во славу христіанства и казачества, бить и грабить турокъ не считалось грѣхомъ. Лишь проходилъ слухъ о новыхъ притѣсненіяхъ со стороны басурмановъ, вся Сѣчь, какъ одинъ человекъ, вставала и собиралась въ походъ. Передъ войной Сѣчь преображалась; своевольные въ мирное время, казаки во время войны во всемъ повиновались начальству: они понимали, что своеволие и несогласіе въ походъ грозить неудачей всему войску. Необыкновенно дѣятельная

жизнь пробуждалась въ Сѣчѣ передъ походомъ. Шинки запирались, не слышно было разгульныхъ, безшабашныхъ пѣсенъ, не было видно пьяныхъ на улицахъ. Раздавался лишь топотъ коней и ревъ быковъ, скрипѣли телѣги, бряцали сабли, палили ружья. Священники служили молебны. Все волновалось: собирались въ походъ и старые, и молодые; женатые покидали семьи и тоже стремились въ Сѣчъ; на хуторахъ оставались лишь женщины и дѣти.

Тяжела была жизнь казачки: вся жизнь ея мужа и сыновей проходила въ разгулѣ и войнѣ; не любила суровый казакъ женскихъ нѣжностей и ласкъ, обходился съ женой грубо, часто даже билъ ее. Когда казакъ уходилъ воевать, жена оставалась одна со своими думами и заботами; знала она, что рѣдкій запорожецъ умираетъ своею смертию: одинъ находитъ могилу въ морской пучинѣ, другой гибнетъ въ турецкой неволѣ, третьяго подкашиваетъ сабля басурманская. За трудной домашней работой старалась она забыть свою кручину; въ свободныя же минуты молилась и оплакивала тѣхъ, кто для нея составлялъ всю жизненную отраду.

А удалые молодцы гуляли тѣмъ временемъ въ чужихъ басурманскихъ земляхъ. Не только запорожцы шли въ походъ; соединялись съ ними и все малороссійскіе казаки. Дѣлали они нападенія сухимъ путемъ на Крымъ, переплывали моремъ въ турецкія владѣнія на длинныхъ лодкахъ, называемыхъ чайками, грабили турецкіе города и брали добычу. Турки считали казаковъ подданными Польши и требовали отъ польскаго правительства ихъ усмиренія. Поляки, желая сохранить съ турками миръ, пытались удержать ихъ отъ морскихъ набѣговъ; это имъ не удавалось. Давно зародившаяся вражда между казаками и поляками, благодаря этому, еще болѣе усиливалась. Притѣсненія же поляками малороссійскаго народа, поруганіе ими православія разжигали въ казакахъ ненависть къ полякамъ. Со страхомъ стали смотрѣть поляки на это вольное православное братство.

Прощаніе казачки съ сыновьями.

(Изъ повѣсти «Тирасъ Бульба»).

Бульба тѣшилъ себя заранѣе мыслію, какъ онъ явится съ двумя сыновьями своими въ Сѣчѣ и скажетъ: „Вотъ посмотрите, какихъ я молодцовъ привелъ къ вамъ!“ какъ представить ихъ всѣмъ старымъ, закаленнымъ въ битвахъ товарищамъ; какъ поглядить на первыя подвиги ихъ въ ратной наукѣ и бражничествѣ, которое почиталось также однимъ изъ главныхъ достоинствъ рыцаря. Онъ сначала хотѣлъ было отправить ихъ однихъ; но, при видѣ ихъ свѣжести, рослости, могучей тѣлесной красоты, вспыхнулъ воинскій духъ его, и онъ на другой же день рѣшился ѣхать съ ними самъ, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Онъ уже хлопоталъ и отдавалъ приказы, выбиралъ коней и сбрую для молодыхъ сыновей, навѣдывался и въ конюшни, и въ амбары, отобралъ слугъ, которые должны были завтра съ ними ѣхать. Есаулу Товкачу передать свою власть вмѣстѣ съ крѣпкимъ наказомъ явиться сейчасъ со всѣмъ полкомъ, если только онъ подастъ изъ Сѣчи какую-нибудь вѣсть. Хотя онъ былъ и навеселѣ и въ головѣ его еще бродилъ хмель, однакожъ, не забыть ничего; даже отдалъ приказъ напоить коней и всыпать имъ въ ясли крупной и лучшей пшеницы, и пришелъ усталый отъ своихъ заботъ.

— Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! намъ ненужна постель; мы будемъ спать на дворѣ.

Ночь еще только что обняла небо; но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ и потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ; все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло. Прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда паньчей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ; она расчесывала гребнемъ ихъ молодые, небрежно всклокоченные кудри и смачивала ихъ слезами; она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью; она вырастила, взлелѣяла ихъ — и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою! „Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ?“ говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ прекрасное когда-то лицо ея. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ — все обратилось у нея въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, съ страстью, со слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея, — берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда! Кто знаетъ, можетъ-быть, при первой битвѣ татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенные тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица, а за каждую каплю крови ихъ она отдала бы себя всю. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, когда всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать ихъ, и думала: „Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочить денька на два отъѣздъ; можетъ-быть, онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ“.

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколь, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ и не думала о снѣ. Уже кони, чую разсвѣтъ, всѣ легли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и, мало-по-малу, лепечущая струя спустилась по нимъ до самаго низа. Она просидѣла до свѣта, вовсе не утомилась и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржанье жеребенка; красныя полосы ярко сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера.

— Ну, хлопцы, полно спать! пора, пора! Напоите коней! А гдѣ стара? (такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою). Живѣе, стара, готовь намъ ѣсть: путь лежить великій!

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату.

Между тѣмъ, какъ она со слезами готовила все, что нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей свои лучшія убрания.

Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные, съ серебряными подковками; шаровары, шириною въ Черное море, съ тысячею складокъ и со сборами, и перетянулись золотымъ очкуромъ; къ очкуру прицѣплены были длинные ремешки, съ кистями и прочими побрякушками для трубки. Казакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; сабля брякала по ногамъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казались, похорошѣли и побѣлѣли; молодые черные усы теперь какъ-то ярче отгѣняли бѣлизну ихъ и здоровый, мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шапками, съ золотымъ верхомъ.

Бѣдная мать, какъ увидѣла ихъ, и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

— Ну, сыны, все готово! нечего мѣшкать, — произнесъ, наконецъ, Бульба. — Теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою веѣмъ присѣсть.

Веѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей.

— Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ! — сказалъ Бульба, — моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую*), чтобы стояли всегда за вѣру Христову, а не то — пусть лучше пропадутъ,

*) Рыцарскую.

чтобы и духа ихъ не было на свѣтъ! Подойдите, дѣти, къ матери: молитва материнская и на водѣ, и на землѣ спасаетъ!

Мать, слабая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшие иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею.

— Пусть хранить васъ... Божья Матерь... не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть вѣсточку о себѣ...

Далѣе она не могла говорить.

— Ну, пойдемъ, дѣти! — сказалъ Бульба.

У крыльца стояли осѣдланные кони. Бульба вскочилъ на своего Чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцатипудовое бремя, потому что Тарасъ былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ.

Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшему, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности; она схватила его за стремя, она прилипла къ сѣдлу его и, съ отчаяніемъ въ глазахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота, со всею легкостью дикой козы, несообразно лѣтамъ, выбѣжала она за ворота, съ непостижимой силою остановила лошадь и обняла съ какою-то помѣшанною безчувственной горячностью. Ее опять увели.

Молодые казаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца, который, съ своей стороны, былъ нѣсколько смущенъ, хотя старался этого не показывать. День былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ. Они, проѣхавши, оглянулись назадъ. Хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ землю: только видны были надъ землей двѣ трубы скромнаго ихъ домика да вершины деревьевъ, по сучьямъ которыхъ они лазили, какъ бѣлки; еще стлался передъ ними тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію своей жизни. Вотъ уже только одинъ шестъ надъ колодезъ, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телѣги, одиноко торчитъ въ небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла... Прощайте и дѣтство, и игры, и все, и все!

Гоголь.

Церковная унія и братства въ юго-западной Руси.

Южно-русская земля была присоединена къ Польшѣ насильственно, а потому соединеніе это не могло быть прочнымъ. Больше всего мѣшало ему различіе вѣръ; малороссы, конечно, тянули къ своимъ православнымъ братьямъ и охотно переходили въ московскія земли, тѣмъ болѣе что жизнь ихъ подъ властью поляковъ была очень тяжела; а русскіе цари всегда готовы были принять къ себѣ бѣжавшихъ отъ поляковъ единовѣрцевъ.

Поляки видѣли, что для того, чтобы окончательно подчинить себѣ русскихъ, необходимо обратить ихъ въ католическую вѣру. Но сдѣлать это было нелегко: малороссы сильно дорожили своей православной вѣрой. Тогда поляки пустили въ ходъ іезуитовъ. Это было монашеское братство, заботившееся о распространеніи католической вѣры. Іезуиты отлично умѣли привлечь къ себѣ народъ разными зрѣлищами, процессіями, торжественными службами. Поляки и начали съ того, что послали въ русскія земли іезуитовъ. Іезуиты были очень ловки: они и учили даромъ, и во всякихъ нуждахъ помогали, о вѣрѣ какъ будто и не говорили, но пользовались каждымъ случаемъ, чтобы показать преимущества католической религіи. И это имъ такъ удавалось, что всякій ученикъ выходилъ изъ ихъ школы, готовый бросить православіе и принять католичество. Іезуиты не разбирали средствъ при борьбѣ за свою вѣру; у нихъ и правило было: „цѣль оправдываетъ средства“, т. е. все позволительно, чтобы достигнуть своего. Поэтому имъ было все равно и оклеветать, и солгать, и убить человѣка при случаѣ, лишь бы схоронить концы въ воду. Православное же духовенство было въ то время въ самомъ плохомъ состояніи. На высшія должности часто назначались міряне, совсѣмъ неподготовленные къ своимъ обязанностямъ; они, конечно, не могли подавать своей паствѣ примѣра благочестивой жизни. А съ сельскими священниками паны обращались, какъ съ холопами; даже часто наказывали ихъ наравнѣ съ крестьянами. Немудрено,

что бѣдное, мало ученое православное духовенство не могло взять верхъ надъ богатыми, умными, хитрыми іезуитами.

Дворяне русскіе ополячивались легко; они скоро начинали даже стыдиться всего русскаго и охотно принимали католическую вѣру. Гораздо труднѣе было обратиться въ католичество простой народъ. Тутъ-то іезуиты и пошли на хитрость: они стали проповѣдывать соединеніе православной церкви съ католической, или такъ называемую унію. „Пусть останутся за вами все ваши обряды“, — говорили они, — „подчинитесь только папѣ, будемъ молиться все вмѣстѣ; пусть русскіе не считаютъ нечестіемъ католичество, а католики не будутъ считать нечестіемъ православныхъ обрядовъ“. Римскій папа благословилъ унію, а іезуиты стали усердно распространять ее. На самомъ дѣлѣ унія была прямымъ переходомъ къ католичеству; въ уніатскихъ церквахъ проповѣдывали уже чистую католическую вѣру.

Наступило для русскаго народа самое тяжелое время: поляки всякими неправдами стали обращать православныхъ въ унію: ремесленникамъ и купцамъ православнымъ не позволяли заниматься своимъ дѣломъ, часто запрещали даже жить въ городѣ. Православныхъ не принимали на службу. Помѣщики силой обращали православные храмы въ уніатскіе; православный священникъ часто не смѣлъ открыто идти къ больному со святыми дарами; не смѣлъ хоронить умершаго по православному обряду. Крестьяне, бѣдствовавшіе отъ панскихъ поборовъ, не въ силахъ были содержать священниковъ, и они разбѣгались; такіе приходы приписывались къ уніатской церкви. Однако, несмотря на все насилія, простой народъ крѣпко держался своей вѣры.

Хотя большинство русскихъ дворянъ и ополячилось, но нашлись между ними и такіе, которые встали на защиту южно-русскаго народа. Правда, ихъ было немного, но зато это были умнѣйшіе, лучшіе люди того времени, какъ напр., князь Курбскій или князь Константинъ Острожскій, воевода кievскій. Константинъ Острожскій завелъ свою типографію и сталъ издавать священ-

ныя книги на славянскомъ языкѣ; его славянская біблія была первымъ изданіемъ въ этомъ родѣ. Потомъ онъ сталъ заводить школы, и главная его школа въ Острогѣ была образцовою для того времени. Люди, подобные Константину Острожскому, не жалѣли ни денегъ, ни силъ на тяжелую борьбу съ хитрыми, увертливыми іезуитами.

Но еще опаснѣе были для іезуитовъ братства, которыя устраивались при церквахъ. Братства существовали уже давно; но прежде они заботились только о дѣлахъ своей церкви: украшали ее, помогали неимущей братіи, устраивали церковныя торжества. Теперь же, когда православію стала грозить опасность, братства выступили на борьбу съ уніей; они всѣми силами старались просвѣтить народъ: основывали типографіи, издавали священные книги на славянскомъ языкѣ, печатали сочиненія противъ уніи и іезуитовъ, заводили школы, въ которыхъ воспитывали юношество въ духѣ православія, посылали способныхъ молодыхъ людей учиться за границу. Братства основывались во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ; нѣкоторыя изъ нихъ были очень богаты и сильны, какъ напр., кievское.

Въ то время польскимъ королемъ былъ Сигизмундъ III. Онъ самъ былъ воспитанникомъ іезуитовъ и потому горячо принялся за насильственное соединеніе православія съ католичествомъ. Для этого былъ назначенъ соборъ въ Брестѣ въ 1596 году; но на этомъ соборѣ ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить. Главные проповѣдники уніи добились, однако, того, что самыхъ горячихъ сторонниковъ православія не пустили на соборъ; митрополитъ же былъ за уніатовъ. Тогда православное духовенство стало собираться отдѣльно и подало жалобу королю; но король и слушать ихъ не захотѣлъ: онъ былъ на сторонѣ уніи и велѣлъ православные монастыри и церкви отдавать уніатамъ.

Казалось, что православіе было побѣждено, но на дѣлѣ было иначе. Чѣмъ больше гнали православныхъ, тѣмъ сильнѣе они ненавидѣли унію, тѣмъ крѣпче становились въ своей вѣрѣ. Особенно ожесточался простой

народъ, которому и безъ того жилось плохо. Приближалось время смутъ. На защиту русской народности и вѣры православной возстали казаки.

Богданъ Хмельницкій и присоединеніе Малороссіи.

Въ XVI вѣкѣ малороссійское казачество разрослось въ такую грозную силу, что поляки поневолѣ стали побиваться казаковъ и пытались лишить ихъ тѣхъ правъ, которыми они пользовались. Они опредѣлили число ихъ и занесли ихъ въ списокъ—реестръ; поэтому эти казаки стали называться реестровыми; всѣ остальные казаки должны были обратиться въ крестьянъ и работать на польскихъ пановъ. Казаки, конечно, не могли съ этимъ мириться: вѣдь положеніе крестьянъ было ужасно; они терпѣли отъ своихъ пановъ страшныя притѣсненія. Къ этому присоединилось еще гоненіе за вѣру: униаты и католики стали всячески издѣваться надъ православными. Тогда вся Украина заволновалась; то тамъ, то сямъ стали вспыхивать возстанія; недоставало только человека съ сильной волей, умомъ и талантливостью, чтобы сплотить всѣхъ этихъ недовольныхъ въ одну могучую, грозную силу.

Человѣкъ этотъ явился— это былъ Зиновій Богданъ Хмельницкій. Не безъ причины Богданъ Хмельницкій сдѣлался заклятымъ врагомъ Польши. Онъ самъ на себѣ испыталъ всю тягость польской неволи. Хмельницкій жилъ съ семьей на своемъ хуторѣ близъ Чигирина. Хуторъ этотъ понравился пану Чаплинскому; онъ отнялъ его у Хмельницкаго со всѣмъ добромъ, сына его засѣкъ до смерти, а съ женой его повѣнчался. Напрасно искалъ Хмельницкій правды на судѣ. Тогда онъ поѣхалъ съ жалобой къ польскому королю, но король былъ безсиленъ противъ самовольнаго панства. „У васъ, казаковъ, есть сабли“, сказалъ онъ.

Вернувшись изъ Польши, Хмельницкій собралъ самыхъ надежныхъ казаковъ и сталъ съ ними готовить возстаніе. На Хмельницкаго донесли пану Чаплинскому, его

главному врагу, и смѣлый заговорщикъ чуть не запла-тился жизнью. Онъ, однако, сумѣлъ отвести глаза па-намъ и ускользнулъ на Запорожье, а оттуда въ Крымъ къ хану, у котораго просилъ помощи. Богданъ такъ умѣлъ воодушевить казаковъ, что все они готовы были итти за нимъ и, конечно, выбрали его своимъ предводи-телемъ, гетманомъ. Услыхали поляки, что поднялись на нихъ казаки, что Хмельницкій ведетъ сильное войско; но гордые паны были самонадѣянны: они мечтали нѣсколь-кими ударами сабель, нѣсколькими пушечными выстрѣ-лами разогнать казаковъ. Поѣхали они на войну съ холопами, какъ на пиръ, повезли съ собою и серебро, и посуду, и поваровъ, и провизію, и одежды. Зато и заплатились они за свое легкомысліе. Въ первой же битвѣ при Желтыхъ Водахъ поляки потерпѣли полнѣй-шее пораженіе.

„Не по одномъ ляхѣ осталась вдова, — поется въ пѣснѣ, не по одномъ заплакали дѣти-сироты; высы-пался хмель изъ мѣшка, натворилъ бѣды панамъ, напи-лись они желтой водицы, да, видно, много хмелю было положено — не устояли на ногахъ“. Знатнѣйшихъ па-новъ казаки отдали въ неволю татарамъ, всю добычу, что нашли въ польскомъ лагерѣ, подѣлили между собою, одарили татаръ, послали подарки и въ Сѣчь.

Поляки тогда вострепнулись, выбрали трехъ знатнѣй-шихъ предводителей и послали сильное войско на ка-заковъ. Но выборъ начальниковъ былъ неудаченъ: Бог-данъ въ насмѣшку говорилъ, что выбрали поляки „ла-тыну, дытыну да перыну“. И правда, старый панъ Остро-рогъ былъ ученый, а не воинъ; у восемнадцатилѣтняго Конецпольскаго еще едва пробивался пушокъ надъ гу-бою, а князь Заславскій, изнѣженный, избалованный, со-всѣмъ не годился для боевой жизни. Разбили всѣхъ этихъ предводителей казаки, обратили ихъ въ бѣгство и опять завладѣли богатою добычею.

Въ это время умеръ польскій король. Хмельницкій понадѣялся на свои побѣды, думалъ, что новый король дастъ казакамъ тѣ льготы, которыхъ они добивались. Онъ пріостановилъ борьбу и торжественно возвратился

въ Кіевъ. Народъ встрѣтилъ его, какъ своего избавителя, пушечною пальбою, молебствіемъ, привѣтствіями. Но борьба еще далеко не кончилась. Когда король при-
слалъ своихъ пановъ и стали толковать объ условіяхъ
мира, оказалась что поляки ни въ чемъ не хотятъ усту-
пить „хлопамъ“.

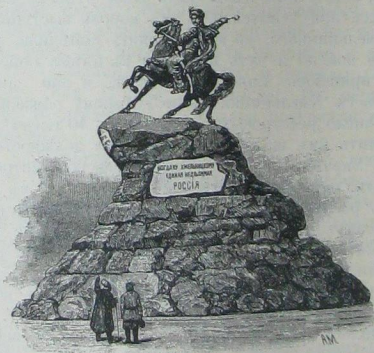
Тогда поднялась вся Украина. Кто только могъ, шелъ
подъ знамена Хмельницкаго. Безбородые юноши и сѣдые
старики, всѣ, у кого цѣлы были руки и ноги, двинулись
на своихъ притѣснителей. Самъ король выступилъ про-
тивъ Хмельницкаго, но казаки опять побѣдили, разбили
польское войско и чуть не взяли въ плѣнъ короля. По-
лякамъ пришлось хлопотать о мирѣ, и они заключили
договоръ съ Хмельникомъ, по которому обязались уве-
личить число реестровыхъ казаковъ до 40 тысячъ, испра-
вно платить имъ жалованье, на разныя должности выби-
рать въ Украинѣ православныхъ, а кіевскому митрополиту
управлять церковными дѣлами и засѣдать въ сенатѣ.
Богданъ распустилъ войско, думая, что достигъ цѣли,
спасъ своихъ братьевъ отъ притѣсненій. Но не тутъ то
было. Какъ только поляки почувствовали себя въ без-
опасности, они опять отказались отъ своихъ обѣщаній,
стали притѣснять хлоповъ, вымещать на нихъ всѣ свои
неудачи, а митрополита такъ и не пустили въ свой сенатъ.

Пришлось Хмельницкому снова начинать войну, но
на этотъ разъ счастье его оставило: татары ему измѣ-
нили, а у пановъ нашелся человекъ, который могъ по-
мѣяться съ Богданомъ. Это былъ Іеремія Вишневецкій,
одинъ изъ самыхъ жестокихъ пановъ, непримиримый
врагъ хлоповъ и казаковъ. Въ битвѣ подъ Берестечкомъ та-
тары, шедшіе неохотно въ бой, побѣжали, и казацкое
войско было разбито. Хмельницкій съ трудомъ собралъ
новыя силы, потому что народъ не вѣрилъ ему, какъ
прежде, и онъ уже не могъ съ прежнимъ успѣхомъ бо-
роться съ врагами. По Бѣлоцерковскому миру хлопы опять
оказались въ полной кабалѣ у пановъ, и вторая неволя
стала горше первой.

Тогда Хмельницкій задумалъ искать помощи у царя
московскаго, Алексѣя Михайловича; онъ завелъ сношенія

съ Москвою и узнать, что русскій царь охотно готовъ принять Украину подъ свое покровительство. Въ Переяславлѣ назначили общую раду 8 января 1654 г. Собрался народъ, вышли послы московскаго царя, гетманъ и вся войсковая старшина, т. е. высшіе казацкіе чины; Богданъ объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Выбирайте изъ четырехъ государей, говорилъ онъ имъ:—султанъ турецкій не разъ уже засылалъ къ намъ

Памятникъ Богдану Хмельницкому къ Кіеву.

пословъ, ханъ крымскій тоже, но оба они, и тотъ и другой—басурмане; смотрите чтобы не случилось съ нами, какъ съ греками, которые терпятъ всякія насилія. Третій—король польскій, но о тѣхъ бѣдахъ, какія мы терпѣли отъ ляховъ, и говорить нечего. Четвертый—государь московскій, православный царь восточный, одной съ нами вѣры, одного закона и благочестія; онъ милостиво прислалъ къ намъ своихъ близкихъ людей и готовъ принять насъ подъ свою державную руку. Если его не выберемъ, то и не будетъ намъ другого убѣжища!

— Хотимъ подѣ царя восточнаго, православнаго!—закричали всѣ. — Не хотимъ доставаться ни басурману, ни ляху!

Такъ и закрѣпила себя Украина за русскимъ царемъ и получила большія льготы: реестровыхъ казаковъ было положено 60 тысячъ, гетмана казаки могли себѣ избирать сами, такъ же какъ и остальное начальство; царь московскій обязался защищать Украину и отъ поляковъ, и отъ татаръ.

Послали казаки своихъ пословъ въ Москву, и царь утвердилъ этотъ договоръ.

Патріархъ Никонъ.

Въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ, патріархомъ московскимъ былъ Никонъ. Патріархъ Никонъ былъ человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Онъ былъ сынъ крестьянина и родился въ селѣ близъ Нижняго-Новгорода. При крещеніи его назвали Никитой. Нелегко жилось ему въ дѣтствѣ. Онъ рано остался сиротой, и отецъ его женился во второй разъ на женщинѣ сварливой и злой. Сразу невзлюбила она своего пасынка. Не видать отъ нея Никита ни одной ласки, не слыхалъ ни одного добраго слова, слыхалъ только брань да попреки. И сталъ онъ самъ озлобляться противъ нея и противъ всѣхъ. Онъ сдѣлался упрямымъ, угрюмымъ, неразговорчивымъ, сталъ удаляться отъ всѣхъ и подолгу предаваться своимъ грустнымъ думамъ. Когда же онъ выучился читать, то сталъ находить отраду и утѣшеніе въ книгахъ. Не понравились мачихѣ его занятія, и не было конца ея преслѣдованіямъ. Невтерпѣжъ стало Никитѣ, и скрылся онъ отъ нея въ ближній монастырь. Впослѣдствіи, выйдя изъ монастыря и вернувшись на родину, онъ женился и имѣлъ троихъ дѣтей. Къ великому своему горю, онъ скоро ихъ потерялъ. Это его такъ потрясло, что онъ уговорилъ жену постричься въ монахини, самъ же тоже удалился въ скитъ на Бѣлое море и постригся тамъ подѣ

именемъ Никона. Слава его подвижнической жизни пошла далеко. Заслуги его были такъ велики, что его скоро сдѣлали игуменомъ этого монастыря. По обычаю того времени, онъ долженъ былъ явиться въ Москву, представиться царю Алексѣю Михайловичу. Его умъ, рѣшительная рѣчь и начитанность понравились царю, и онъ

Никонъ, патріархъ московскій и всея Россіи.

оставилъ Никона въ Москвѣ. Потомъ Никонъ былъ посвященъ въ митрополиты Новгорода. Въ Новгородѣ вспыхнулъ въ это время страшный бунтъ. Своими рѣшительными, разумными дѣйствіями Никонъ усмирить мятежниковъ и этимъ приобрѣлъ еще большее расположеніе царя. По желанію Алексѣя Михайловича Никонъ вернулся въ Москву и былъ посвященъ въ патріархи. Патріархъ же въ то время былъ главою всего русскаго

духовенства. Ему были подчинены все русские митрополиты и архиереи. Алексѣй Михайловичъ сталъ часто призывать Никона къ себѣ во дворецъ, подолгу бесѣдовалъ съ нимъ, принималъ отъ него всякіе разумные совѣты. Вскорѣ слабохарактерный царь совершенно подчинился влиянію умнаго патріарха. Никонъ умѣлъ пользоваться расположеніемъ царя. Онъ самъ принималъ просьбы у народа, просилъ царя за обиженныхъ и притѣсненныхъ. Думалъ Никонъ и объ образованіи народа: заводилъ школы, заботился о печатаніи книгъ. Полюбилъ народъ московскій своего добраго защитника, а царь сдѣлалъ его самымъ близкимъ себѣ человѣкомъ. Когда царь уѣзжалъ изъ Москвы, то поручалъ Никону даже управлять государствомъ. И сталъ уже Никонъ по желанію царя наравнѣ съ нимъ величаться великимъ государемъ московскимъ.

Сдѣлавшись патріархомъ, Никонъ обратилъ вниманіе на церковныя книги. Прежде церковныя книги не печатались, а списывались монахами съ древнихъ греческихъ рукописныхъ книгъ. Черезъ переписываніе въ книги вкрались ошибки. Когда же въ Россіи появилось книгопечатаніе, ошибки изъ рукописныхъ книгъ перешли и въ печатныя. Такъ, въ этихъ книгахъ говорилось, что при совершеніи крестнаго знаменія нужно складывать два пальца, а не три; имя Іисусъ по ошибкѣ писалось „Исусъ“. Замѣтивъ подобныя ошибки, Никонъ созвалъ соборъ изъ духовныхъ лицъ для исправленія этихъ книгъ. Отпечатавъ потомъ исправленныя книги, Никонъ разослалъ ихъ по церквамъ и велѣлъ молиться по нимъ, старыя же приказалъ отбирать. Но не такъ легко ввести какое-нибудь измѣненіе. Для этого недостаточно силы и власти, нужно и терпѣніе, котораго у Никона не было. Никонъ былъ человѣкъ властолюбивый, упрямый и крутой. Было у него много друзей, но было и много недруговъ. Не любило Никона духовенство за его слишкомъ крутое обращеніе съ нимъ. Никонъ всегда слѣдилъ, чтобы духовные строго относились къ своимъ обязанностямъ, аккуратно исполняли службу; неисполнительныхъ патріархъ преслѣдовалъ. Когда же Никонъ потребовалъ

уничтожить старыя книги, въ душеспасительность которыхъ вѣрилъ народъ, многіе изъ духовенства открыто возстали противъ него. Къ духовенству присоединились и другіе враги Никона — бояре, которые не любили Никона за его властолюбіе и высокомѣріе. Поднялся ропотъ на патріарха и среди простого народа. Трудно было понять многимъ, что въ церковныя книги вкрались ошибки, трудно имъ было отступитъ отъ того, чему привыкли вѣрить съ дѣтства. Въ числѣ недовольныхъ особенно выдѣлялись Никита Пустосвятъ и Аввакумъ. Они называли Никона еретикомъ и беззаконникомъ. Аввакумъ писалъ книги противъ Никона и распространялъ ихъ въ народѣ. Никита и другіе недовольные убѣждали народъ не брать грѣха на душу, не молиться по новымъ книгамъ, лучше совсѣмъ не ходить въ православную церковь. Тогда многіе стали, дѣйствительно, отдѣляться отъ православной церкви. Никонъ жестоко преслѣдовалъ недовольныхъ; они бѣжали отъ преслѣдованій изъ городовъ и деревень и селились въ лѣсахъ. Здѣсь они устраивали цѣлыя общины, строили скиты, принимали къ себѣ священниковъ и продолжали молиться по старымъ книгамъ. Эти то люди, отдѣлившіеся отъ православной церкви и получили названіе раскольниковъ или старо-вѣровъ. Самая же смута церковная называется расколомъ. Раскольниковъ много и теперь въ нашемъ отечествѣ, особенно въ средней и сѣверной Россіи.

Тяжело было патріарху. Всѣ были противъ него, только царь былъ на его сторонѣ. Скоро патріархъ лишился и его расположенія. Бояре и духовенство уже давно старались поссорить царя съ Никономъ; исполнить это теперь было нетрудно. Властолюбіе Никона уже тяготило царя; бояре же при всякомъ удобномъ случаѣ наговаривали царю на Никона, указывали на его недостатки, его властолюбіе. Царь все болѣе и болѣе охлаждалъ къ своему любимцу. Скоро произошло окончательный разрывъ царя съ патріархомъ. Ссора начинается тѣмъ, что Никона не приглашаютъ на одно изъ придворныхъ празднествъ; Никонъ посылаетъ слугу узнать, въ чемъ дѣло; съ посланнымъ обходится грубо; Никонъ

требуешь у царя объясненія и правосудія: царь общается объясниться, но избѣгаетъ свиданія съ Никономъ. Дошло даже до того, что набожный царь не пришелъ однажды въ церковь. Тогда только Никонъ понялъ, что царь на него гнѣвается и что пришелъ конецъ его власти. Скоро послѣдовало и запрещеніе царя именовать Никона великимъ государемъ. Тяжелый ударъ былъ нанесенъ этимъ самолюбію Никона; оскорбленный до глубины души, онъ всенародно въ соборѣ отказывается отъ патріаршества. Народъ приходитъ въ смятеніе; Никона уговариваютъ остаться; онъ упорствуетъ; царю даютъ знать о случившемся; царь присылаетъ узнать, почему патріархъ оставляетъ свой санъ; Никонъ отвѣчаетъ, что уходитъ отъ царскаго гнѣва. Въ тотъ же день онъ уѣзжаетъ въ свой любимый монастырь. Въ душѣ Никонъ не думалъ оставлять сана. Онъ хотѣлъ, чтобы царь самъ созналъ свою несправедливость и пришелъ его уговаривать; но царь не показался. Въ это время сильнѣе прежняго поднялись раскольники; пока Никонъ былъ въ силѣ, они боялись дѣйствовать смѣло; съ его паденіемъ голоса раскольниковъ стали раздаваться рѣшительнѣе; появилось много ложныхъ ученій; расколъ росъ и распространялся по всей Руси. Для уничтоженія раскола и суда надъ Никономъ, самовольно отказавшимся отъ патріаршества, нужно было созвать духовный соборъ, такъ какъ только онъ могъ судить патріарха. Самъ царь со слезами на глазахъ явился на этомъ соборѣ обвинителемъ своего бывшего друга. Никона обвиняли, главнымъ образомъ, въ своеволии и неподчиненіи царю. Царь ни въ чемъ не уступалъ Никону, не уступалъ и Никонъ. Нужно было Никону только немного смириться, и царь былъ бы готовъ простить его. Но упрямый патріархъ гордо стоялъ, поднявъ голову и опершись на свой посохъ; на обвиненія онъ отвѣчалъ обвиненіями; этимъ онъ еще больше вооружилъ противъ себя царя и соборъ. Наконецъ, послѣдовало рѣшеніе собора: книги, исправленныя Никономъ, соборъ одобрилъ; раскольниковъ заставили покаяться; непокорныхъ отправили на крайній сѣверъ. Никонъ былъ осужденъ; его лишили

сана и простымъ монахомъ отправили въ дальній монастырь.

Тяжело показалось Никону въ ссылкѣ. Онъ привыкъ къ власти, — здѣсь ея не было; онъ привыкъ ко всеобщему уваженію, — его оскорбили и унизили. Сильно подѣйствовало это на его упрямый характеръ; перенесенныя страданія подорвали его здоровье; онъ замѣтно слабѣлъ; не выдержалъ, наконецъ, старецъ; сломилось его упрямство. Посылаетъ онъ слезное посланіе царю Алексѣю съ жалобой на свою тяжелую жизнь и съ просьбой смягчить его участь. Однако, до самой кончины Алексѣя Михайловича Никонъ оставался въ монастырѣ. Въ царствованіе Θεодора Алексѣвича ему позволено было вернуться въ Москву. Радостно принявъ больной, дряхлый старикъ эту вѣсть и отправился въ дорогу. Часть пути ему пришлось совершить водою. Онъ былъ уже настолько слабъ, что не сидѣлъ, а лежалъ въ лодкѣ. Вездѣ по берегамъ изъ селъ и деревень стекался народъ, прося у старца благословенія, и онъ осѣнялъ слѣдовавшую за нимъ толпу крестнымъ знаменіемъ. Когда лодка приблизилась къ Ярославлю, толпа бросилась въ воду и вытащила лодку на берегъ. Никонъ былъ уже въ совершенномъ изнеможеніи и ничего не могъ говорить. Народъ цѣловалъ ему руки и ноги. День склонялся къ вечеру; благовѣстили къ вечернѣ. Никонъ ободрился, оглянувшись вокругъ себя и началъ оправляться, какъ будто готовясь въ путь. Тутъ стало понятно, что наступаетъ его послѣдній часъ, и ему начали читать отходную. Никонъ сложилъ руки на груди и скончался. Въ это время по дорогѣ изъ Москвы ѣхала царская карета, высланная царемъ Θεодоромъ навстрѣчу бывшему патріарху.

Добрые люди старой Руси.

Немало добрыхъ людей было на Руси въ тяжелыя для нея времена. Къ числу такихъ людей принадлежалъ любимецъ царя Алексѣя Михайловича, Θεодоръ Михай-

ловичъ Ртищевъ, человѣкъ знатный, просвѣщенный, много занятый по дѣламъ государственной службы. Служба, однако, не мѣшала ему все свободное время посвящать ближнимъ, такъ какъ участь ближняго была для него дороже всего. Ни любовь царя, ни высокое положеніе въ свѣтѣ не могли развить въ немъ гордости и самолюбія. Онъ не любилъ, чтобы о немъ говорили, чтобы его прославляли. Своимъ высокимъ положеніемъ онъ пользовался для того, чтобы и другихъ вовлечь въ дѣла благотворительности. И это ему удавалось, потому что все, что онъ дѣлалъ, онъ дѣлалъ отъ души, отъ добраго сердца.

Въ то время шла борьба Россіи съ Польшей изъ-за Малороссіи. Сопровождая царя въ походахъ, Ртищевъ познакомился со всѣми ужасами войны. Онъ слышалъ вопли и стоны раненыхъ. Онъ видѣлъ этихъ измученныхъ, страдающихъ людей, брошенныхъ посреди поля на произволъ судьбы. Эта картина не давала ему покоя. Онъ подбиралъ раненыхъ въ свой экипажъ, не оставляя часто мѣста для самого себя. Самъ же, сильно страдая ногами, кряхтя и охая, взбирался на коня и медленно плелся за своимъ походнымъ лазаретомъ. Достигнувши ближайшаго города, онъ нанималъ домъ и, тратя на это свои послѣднія деньги, приставлялъ къ больнымъ смотрителей и врачей. На свою сторону онъ сумѣлъ склонить и русскую царицу, которая деньгами помогала ему въ этомъ добромъ дѣлѣ. Къ себѣ въ лазаретъ Ртищевъ принималъ не только своихъ, но и враговъ, потому что хорошо помнилъ завѣтъ Христа: „любите враговъ вашихъ, благотворите ненавидящимъ васъ“.

Въ то время Россія часто страдала отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Послѣдніе тысячами забирали въ плѣнъ русскихъ и продавали ихъ въ неволю туркамъ и другимъ народамъ. Русское правительство начало собирать съ населенія особые сборы для выкупа плѣнныхъ; но казенныхъ денегъ не хватало. Ртищевъ и здѣсь явился избавителемъ народа. Онъ вошелъ въ сношеніе съ однимъ добрымъ грекомъ, составилъ съ нимъ складчину и началъ выкупать христіанъ изъ плѣна. Несчаст-

ныхъ иноземцевъ, оставшихся на русской землѣ, Ртищевъ тоже не забывалъ и всячески старался облегчить ихъ участь.

Этимъ Ртищевъ не ограничился. Онъ зналъ, что стоитъ только оглянуться, чтобы всюду найти требующихъ поддержки и состраданія. Много пьяныхъ, больныхъ, увѣчныхъ можно было встрѣтить на грязныхъ московскихъ улицахъ. И о нихъ позаботился Ртищевъ. Онъ учредилъ два дома: въ одномъ находили постоянный пріютъ слѣпые, калѣки, старики; въ другомъ — отрезвлялись пьяные, больные же получали врачебную помощь и оставались здѣсь до выздоровленія.

Простиралъ Ртищевъ свою щедрую руку и далеко за предѣлы Москвы. Прослышавши про страшный голодъ въ Вологодскомъ краѣ и не имѣя свободныхъ денегъ, Ртищевъ, продавъ все излишнее и вырученные деньги посылаетъ вологодскому владыкѣ для помощи голодающимъ. Слѣдуя его примѣру, и другіе дѣлаютъ вклады въ это доброе дѣло.

Трогательно отношеніе Ртищева къ своимъ крестьянамъ. Онъ поддерживаетъ крестьянское хозяйство громадными пожертвованіями, безпрестанно заботится о крестьянахъ, старается избавить ихъ отъ непосильныхъ работъ. Въ своемъ завѣщаніи онъ просилъ дочь свою заботиться о крестьянахъ, называя ихъ своими братьями; дворовымъ же даетъ вольную.

Нельзя было не любить и не уважать такого человека. Богатые охотно помогали тамъ, гдѣ помогать онъ. Особенно дорогъ былъ онъ той нищей братіи, о которой заботился всю свою жизнь. Вотъ какой разсказъ сохранился объ его смерти. Въ послѣднія минуты передъ смертью Ртищевъ собралъ нищихъ, роздалъ имъ милостыню, прилегъ и забылся. Вдругъ глаза его засвѣтились, точно озаренные какимъ-то видѣніемъ, лицо оживилось, и онъ весело улыбнулся; съ такимъ радостнымъ взглядомъ онъ и умеръ.

Между добрыми людьми, умѣвшими помогать несчастнымъ, были также люди незнатные. Такова, на примѣръ, была жена достаточнаго помѣщика, Ульяна Устиновна Осорина.

Ульяна жила при царѣ Борисѣ Годуновѣ, когда только что было утверждено крѣпостное право. Ульяна не отличалась ни образованіемъ, ни знатностью, ни высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ. Она была простая, добрая женщина, носящая въ сердцѣ своемъ заповѣдь: „возлюби ближняго своего, какъ самого себя“. Всю свою жизнь Ульяна провела въ деревенской глуши, скромно творила здѣсь щедрую милостыню и согрѣвала любовью всѣхъ окружающихъ. Мужъ ея уѣзжалъ часто по дѣламъ службы года на два, на три. Ульяна принималась безъ него за хозяйство, но за дѣломъ не забывала и обиженныхъ судьбой. До разсвѣта тлѣла лучина въ ея маленькой свѣтелкѣ, и Ульяна просиживала долгія ночи одна надъ работой, обшивая вдовъ и сиротъ своей деревни. Часто свои рукодѣлія она продавала и вырученныя деньги тайкомъ раздавала нищимъ, ночью приходившимъ къ ней.

Насталъ страшный голодъ на Руси. Ульяна еще срилила тайную милостыню. Стала она отказываться отъ самаго необходимаго, отъ пищи, отдавая излишекъ голоднымъ. Не только о нищихъ заботилась Ульяна, заботилась она и о своихъ холопахъ. Въ то время господинъ смотрѣлъ на холопа не какъ на человѣка, а какъ на вещь. Помѣщикъ, убившій слугу, не подлежалъ даже суду. Не такъ смотрѣла на своихъ холоповъ Ульяна. Она не баловала ихъ, но жалѣла, хорошо кормила, задавала имъ посильныя работы. Сама же подавала имъ примѣръ трудолюбія, исполняя трудныя домашнія обязанности. И сильно привязались холопы къ своей доброй, терпѣливой госпожѣ.

Такъ изъ года въ годъ жила добрая помѣщица, окруженная своими слугами и нищей братіей. И обратилась она, наконецъ, въ 60-лѣтнюю старушку. Многое измѣнилось въ жизни для нея: мужъ умеръ, сыновья выросли; но не измѣнилось сердце доброй женщины. Любовь, живущая въ немъ, не знала границъ. Неурожайные годы повторялись все чаще и чаще. Ульяна ничего не жалѣла и, забывая себя, отдавала несчастнымъ все, что имѣла. Средства ея истощались, и, наконецъ, Ульяна дошла до того, что въ ея

домѣ часто не оставалось и копейки. Тогда на занятія у сыновей деньги она стала шить одежду бѣднякамъ; сама же всю зиму ходила безъ шубы. Въ такомъ положеніи засталъ Ульяну трехлѣтній ужасный голодъ. Въ домѣ у нея не было никакихъ запасовъ; земля не уродила; скотъ палъ отъ безкормицы. Ульяна продавала все лишнее въ домѣ, накупала хлѣба и раздавала его голоднымъ. Наконецъ, она дошла до полной нищеты; но и тутъ не пала духомъ. Въ то время разорившіеся помѣщики прогоняли со двора своихъ холоповъ, чтобы не кормить ихъ, но не давали имъ отпускной, чтобы при случаѣ возвратить ихъ въ неволю. Брошенные на произволъ судьбы, холопы предавались разбоямъ и грабежамъ. Ульяна же, доведя себя до нищеты, объявила крѣпостнымъ, что кормить ихъ больше не можетъ; кто желаетъ, пусть беретъ отпускную и идетъ на волю. Нѣкоторые уходили. Старушка провожала ихъ молитвами и благословеніемъ. Другіе рѣшили лучше умереть, чѣмъ оставить свою госпожу. Оставшихся вѣрныхъ слугъ Ульяна разослала по лѣсамъ собирать лебеду; сама же принялась за печенье хлѣба для семьи, холоповъ и нищихъ, приходившихъ толпами подъ окна за подавніемъ. Два года терпѣла Ульяна скудость, но оставалась доброй и веселой. Счастье для нея заключалось не въ богатствѣ и роскоши, а въ безпредѣльной любви къ ближнимъ. Такъ же тихо и безмятежно, какъ и Ртищевъ, умерла Ульяна у себя въ имѣніи вскорѣ послѣ голода.

И Ульяна, и Ртищевъ всю свою жизнь работали на пользу ближнихъ, каждый изъ нихъ по-своему совершалъ доброе дѣло. Знатный Ртищевъ, помогая бѣднымъ, старался и другихъ вовлечь въ дѣло благотворительности; Ульяна скромно подавала милостыню изъ руки въ руку; Ртищевъ показаль, что, будучи государственнымъ дѣятелемъ, можно не забывать страждущій людъ; Ульяна показала, что и простая, необразованная женщина можетъ принести много добра. Въ обоихъ случаяхъ нужно только имѣть доброе сердце, жалѣть и любить своихъ ближнихъ.

Дѣтство и юность Петра Великаго.

Въ 1672 году 30 мая московскому царю Алексѣю Михайловичу и царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ Богъ далъ сына Петра. Рано утромъ колокольный звонъ возвѣстилъ народу о рожденіи царевича, а въ 5 часовъ царь былъ уже въ Успенскомъ соборѣ на молебствіи, которое совершалъ митрополитъ; затѣмъ, поклонившись праху своего отца и помолвившись въ Чудовомъ монастырѣ надъ гробомъ святителя Алексѣя, царь возвратился во дворецъ. На третій день послѣ рожденія былъ обѣдъ въ царицыной золотой палатѣ для бояръ и ближнихъ людей; передъ обѣдомъ царь жаловалъ водкою; спальники подносили разныя закуски, коврижки, яблоки, дули; при царѣ служили царицыны стольники.

Дѣтство Петра среди мамушекъ и нянюшекъ шло обычнымъ порядкомъ; росъ онъ очень скоро и на шестомъ мѣсяцѣ сталъ ходить. Царскія дѣти, разумѣется, росли въ довольствѣ и холѣ; не ставало у нихъ дѣло за сластями и разными забавами, не ставало дѣло и за погодками-товарищами, съ кѣмъ коротать время. Росъ такъ и Петръ первые годы; только былъ необычно живъ и проворенъ, да въ играхъ и военныхъ забавахъ съ ребятами-погодками не ставилъ ихъ къ себѣ подъ начальство, а тѣшился наравнѣ со всѣми.

Царь Алексѣй Михайловичъ умеръ, когда Петру не исполнилось еще 4 лѣтъ. Алексѣй Михайловичъ былъ женатъ два раза: отъ первой жены, изъ рода Милославскихъ, онъ оставилъ сыновей Ѳеодора и Ивана и пять дочерей; отъ второй жены, изъ Нарышкиныхъ, — сына Петра и двухъ дочерей. На царство сѣлъ старшій царевичъ Ѳеодоръ. Московскіе цари женились не на иноземныхъ принцесахъ, а на русскихъ боярышняхъ и дворянкахъ. Женину родню государь держалъ около себя въ почетѣ и милости; если же ему приходилось овдовѣть и потомъ опять жениться, то родня второй жены оттирала родню первой и сама входила въ силу. Оттого послѣ смерти царя Алексѣя, съ воцареніемъ Ѳеодора,

вошли въ милость Милославскіе, которыхъ оттерли было передъ тѣмъ Нарышкины. Царицѣ Натальѣ ужъ не было прежняго почета; Милославскіе ея не любили, при случаѣ и обижали; царь Θεодоръ, избѣгая жалобъ, пересталъ съ нею видаться. Царицѣ Наталіи пришлось жить въ отдаленіи отъ царскаго двора, какъ бы въ почетной ссылке, а съ нею и Петру. Подошла ему пора учиться. Ученье въ старое время было небольшое: учили читать по азбукѣ, часослову и псалтирю да писать; затѣмъ обучали церковному пѣнію и службѣ. Кто всему этому выучился, уже самъ долженъ былъ доучиваться, какъ знаетъ и чему хочетъ. Почти на такой же ладъ обучали и царскихъ дѣтей. Первыми наставниками царевичей были дяки; потомъ, при царѣ Алексѣѣ, представляли къ царевичамъ ученыхъ монаховъ, чтобы ученье вести пошире. Но на долю Петра не досталось и этого: ему дали учителемъ дьяка Никиту Зотова, чловѣка добраго, но мало образованнаго, который самъ зналъ только хорошо читать и писать.

Въ 1682 году царь Θεодоръ умеръ, дѣтей не оставилъ и кому царствовать не назначилъ. Старшій послѣ него царевичъ, Иванъ Алексѣевичъ, 16 лѣтъ отъ роду, былъ больной, а Петру не исполнилось еще и 10 лѣтъ. Одни бояре стояли за царевича Ивана, другіе за царевича Петра. Чтобы не вышло смуты, патриархъ велѣлъ собраться народу на площадь и спросить, кому изъ двухъ царевичей быть на царствѣ. Немногіе закричали Ивана, всѣ остальные Петра, — и патриархъ благословилъ его на царство.

Въ послѣдніе годы, во дворцѣ царскомъ стали появляться новые обычаи. Одною изъ такихъ новянокъ было — не держать женщинъ взаперти. Мало кому пришла охота воспользоваться этою свободой; однако, были и такія, особенно царевна Софья, дочь царя Алексѣя отъ Милославскихъ. Она сошлась съ людьми учеными, вела съ ними бесѣды, училась, читала книги. Мало-по-малу она присмотрѣлась къ дѣламъ государственнымъ, судила, рядила о нихъ; ей стало скучно сидѣть, сложа руки; ей захотѣлось силы и власти. Она

даже задумала править царствомъ имѣнемъ слабаго брата Ивана. Но царство досталось не Ивану, а Петру, и за его малолѣтствомъ приходилось, по старому обычаю, править царицѣ Натальѣ. Софья должна была не только отступить отъ своего замысла, но еще итти въ послушаніе къ нелюбимой мачихѣ. Гордая Софья рѣшилась, во что бы то ни стало, измѣнить дѣло, привлеки на свою сторону военную силу.

Еще при Іоаннѣ Грозномъ набрано было войско изъ вольныхъ людей, которые назывались стрѣльцами и находились у государей въ чести и милости. Стрѣльцы жили въ Москвѣ, по другимъ большимъ городамъ и по границамъ государства; въ мирное время они пахали землю, огородничали, торговали и получали отъ государя жалованье деньгами. Живя въ довольствѣ, они избаловались, отвыкли отъ военной службы, съ неохотой ходили въ походы, сдѣлались буйны, своевольны, непослушны; немного нужно было, чтобы возмутить ихъ. Царевна Софья увѣрила ихъ, что Петръ сѣлъ на царство противъ закона, обойдя старшаго брата. Стрѣльцы стали требовать, чтобы царствовали оба брата вмѣстѣ, а по молодости ихъ правила государствомъ Софья; пришлось боярамъ согласиться.

Тѣмъ временемъ царь Петръ входилъ въ возрастъ. Немногому научился онъ у Зотова; потомъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, онъ не разъ жалѣлъ объ этомъ. Пришлось доучиваться самому; живой и пытливый умъ Петра не позволялъ ему оставаться въ невѣжествѣ. Исторію русской земли онъ полюбилъ еще съ дѣтства; хорошо зналъ священное писаніе; на 12 году уже приказывалъ перевести на русскій языкъ книгу объ искусствѣ артиллерійскомъ. Добывъ землемѣрный приборъ, астролябію, Петръ велѣлъ сыскать человѣка, который умѣетъ владѣть этимъ инструментомъ. Сыскали въ нѣмецкой слободѣ Москвы голландца Франца Тимермана. Петръ сталъ у него учиться геометріи; всюду бѣгалъ, ко всему присматривался, обо всемъ спрашивалъ, воя за собой своего учителя.

Такому любознательному ребенку, какъ Петръ, не могла прійтись по праву чинная, скучная жизнь во

дворцѣ, среди людей, отъ которыхъ ничему не научишься, ничего новаго не узнаешь; къ тому же мать грустила, жаловалась на невзгоды, на обиды. Петръ не могъ помочь горю, и его потянуло вонъ изъ дворца: сталъ онъ учиться и забавляться на новый ладъ, какъ прежде не водилось. Царевичи обыкновенно росли, какъ красныя дѣвушки, не зная, что дѣлается на Божьемъ свѣтѣ, за дворцовыми стѣнами. Петру выпало на долю иное: онъ проживалъ въ Преображенскомъ селѣ на волѣ, о его воспитаніи не радѣли, отняли отъ него даже Зотова. На 11 или 12 году отъ роду онъ набралъ молодыхъ добровольцевъ изъ дворянъ и иноземцевъ и составилъ изъ нихъ маленькое войско, которое называлъ потѣшнымъ. Всѣ поступали въ него простыми солдатами, всякій несъ службу наравнѣ съ другими; служить такъ и Петръ. Ему можно было дать 15 лѣтъ отъ роду: былъ онъ статенъ, высокъ ростомъ, на головѣ вились темнорусые кудри, на щекахъ игралъ румянецъ; въ большихъ черныхъ глазахъ сверкали умъ и огонь; голосъ былъ звучный, походка и всѣ движенія смѣлы и живы. Онъ долгое время служилъ въ потѣшномъ войскѣ рядовымъ; на службѣ спалъ вмѣстѣ съ другими въ шатрѣ или въ караульнѣ на лавкѣ; ночью и днемъ выстаивалъ свою очередь часовымъ; въ артели ѣлъ простую, солдатскую пищу; всякую работу исполнялъ наравнѣ со всѣми. Потѣшное войско росло съ каждымъ годомъ; въ него записывались, въ угоду молодому царю, люди разныхъ сословій—и иноземцы, и дѣти бояръ, и простолюдины. Наконецъ, число потѣшныхъ такъ выросло, что Петръ составилъ изъ нихъ два полка, преображенскій и семеновскій; вѣнскія потѣхи пошли на широкую ногу. Вмѣстѣ съ сухопутной забавой выростала и другая: Петръ отпросился у матери на Переяславское озеро и съ товарищами принялся тамъ строить корабли, при чемъ самъ работалъ, какъ простой плотникъ.

Царица Наталья очень любила своего сына: она не хотѣла ему перечить, но страшилась его смѣлости, опасаясь увѣчья или какой другой бѣды. Чтобы отучить сына отъ непосѣдливости, она рѣшила его женить. Петръ

согласился и женился, когда ему не исполнилось еще 17 лѣтъ, на дѣвицѣ Евдокіи Лопухиной. Но надежда царицы Натали не сбылась: не прошло и полугода, какъ Петръ былъ уже опять на Переяславскомъ озерѣ, готовилъ къ спуску на воду корабли; онъ писалъ къ матери про свой недосугъ, просилъ благословенія, называлъ себя: „сынишка твой, Петрушка, въ работѣ пребывающій“. Во всѣхъ работахъ Петру усердно помогали иностранцы; онъ все чаще и чаще сталъ бывать въ нѣмецкой слободѣ; такъ, посѣтилъ онъ бывалаго и опытнаго воина Гордона, потомъ побывалъ у другого иноземца Лефорта. Отъ нихъ онъ слышалъ про иноземные обычаи, про устройство разныхъ государствъ, про тамошнюю жизнь, промыслы, торговлю; такимъ образомъ, Петръ узнавалъ про многое такое, чего на Руси и не видали, и не слыхали. Иноземцы нѣмецкой слободы были, большею частью, народъ веселый, беззаботный, охотники и выпить, и погулять; пировали по два, по три дня сплошь, не ложась спать; пили до безчувствія, плясали до упаду. Веселая жизнь московскихъ иноземцевъ пришлась Петру по вкусу; пиры эти, однако, нисколько не мѣшали его работѣ.

Царевна Софья не вступалась въ затѣи Петра, но втихомолку распускала о немъ дурные слухи. Она видѣла, что Петръ завелъ собственное войско и начиналъ ей перечить, и сильно боялась потерять власть. Разъ въ соборѣ онъ приказалъ Софьѣ не ходить въ крестномъ ходѣ, такъ какъ неприлично ей итти въ народѣ; она не послушалась и пошла. Царь разсердился и уѣхалъ къ себѣ въ Преображенское. Такіе поступки Петра сильно беспокоили Софью и ея сторонниковъ. Она подумывала вѣнчаться на царство. Бояринъ Шакловитый взялся помогать ей: онъ рѣшился убить царя и его мать. 7 августа 1689 года, въ полночь, Петръ былъ разбуженъ: изъ Москвы прискакали два стрѣльца съ извѣстіемъ, что Шакловитый хочетъ поджечь Преображенское и въ суматохѣ убить царя, его мать и жену. Петръ бросился въ конюшню, вскочилъ на коня и скрылся въ сосѣднемъ лѣсу; сюда принесли ему платье; онъ одѣлся и поскакалъ въ Троицкую лавру. Велѣдъ за нимъ отправились

туда его мать и жена и потѣшныя полки. Петръ послать въ Москву указъ, чтобы начальники всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ и по 10 рядовыхъ съ полка явились къ Троицѣ. Софья не пускала ихъ, но они все-таки отиравились. Напрасно также она посылала патріарха помирить ее съ братомъ. Петръ велѣлъ казнить Шакловитаго, а Софью заключилъ въ монастырь. Вся власть перешла въ руки Петра; братъ его Иванъ до самой смерти ни во что не вступался.

Путешествіе Петра Великаго за границу.

Петръ видѣлъ, какая сила въ знаніи и наукѣ и какъ мало знаютъ русскіе люди. Онъ видѣлъ, что самъ ученъ мало и плохо, и хотя до многого дошелъ самоучкой, но необходимо учиться еще много и долго: и самому учиться, и народъ свой учить. Петръ началъ съ того, что велѣлъ отобрать 50 комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ и послать ихъ учиться кораблестроенію въ Англію, Голландію и Италію. Наказъ имъ былъ данъ строгій: учиться прилежно и привезти свидѣтельство отъ иноземныхъ мастеровъ, что прошли науки хорошо, иначе имѣнія у нихъ будутъ отобраны. Не понравилась такая новизна русскимъ людямъ; они привыкли бояться чужихъ земель, какъ чумы, сообщаться съ иновѣрцами считали за грѣхъ, а итти къ нимъ въ науку и того хуже. Поэтому назначенные въ чужеземную науку собирались въ путь неохотно, со слезами; отцы отпускали ихъ, какъ на погибель, матери причитали по нимъ, какъ по мертвымъ.

Вслѣдъ за тѣмъ государь и самъ задумалъ ѣхать учиться у иноземныхъ мастеровъ. И вотъ Петръ собрать добровольцевъ и вмѣстѣ съ ними отправился за границу подъ именемъ Петра Михайлова. Первый заграничный городъ, гдѣ Петръ зажилъ довольно долго, былъ Кенигсбергъ. Здѣсь онъ принялся изучать артиллерійскую науку; учился недолго, но выучился хорошо. Учитель выслалъ ему потомъ свидѣтельство, что Петръ

Михайловъ за исправнаго, осторожнаго, искуснаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера признаваемъ быть можетъ.

Но главная цѣль поѣздки Петра была Голландія. Это была въ то время уже богатая, просвѣщенная, а главное мореходная страна. Петръ пріѣхалъ въ столицу Голландіи Амстердамъ, вблизи котораго находилось мѣстечко Сардамъ, гдѣ постоянно строились корабли. Петръ нанялъ лодку и съ шестью человѣками поѣхалъ въ Сардамъ. Пріѣхавши туда, Петръ поселился у одного бѣднаго кузнеца, бывшаго

въ Москвѣ, купилъ себѣ плотничій инструментъ и сталъ работать на верфи, какъ простой работникъ. Но скоро сардамцы все-таки узнали, кто таковъ Петръ Михайловъ. Толпы валили за нимъ по улицамъ, не давая ему прохода; это, наконецъ, ему надоѣло, и онъ отправился въ Амстердамъ. Но и тамъ ужъ всѣмъ стало извѣстно, что пріѣхалъ русскій царь: пріемъ былъ пышный и почетный. Петръ и здѣсь сталъ

Петръ Великій.

работать; для него нарочно были заложены корабли. Сначала, недѣли три, Петръ приготовлялъ матеріалъ, а потомъ, по указанію мастера, заложилъ корабль и началъ его строить. Съ зарей шелъ онъ на работу и трудился усердно; утомившись, садился на какой-нибудь обрубокъ, опускалъ топоръ и отиралъ потъ. Отдыхая, онъ дружелюбно бесѣдовалъ съ товарищами-рабочими; разговаривалъ и съ посторонними, если они называли его „плотникъ Петръ Сардамскій“, или „мастеръ Петръ“; если же снимали передъ нимъ шляпы и какъ-нибудь величали, то не отвѣчалъ ничего и поворачивался спиной. Когда дневная работа кончалась, онъ уходилъ домой пѣшкомъ, заткнувъ топоръ за поясъ. А дома его ждала другая

работа: онъ читалъ письма и донесенія изъ Москвы, усталою рукою писалъ отвѣты коротко и торопливо, сильно и грозно. Государь занимался въ Амстердамѣ не однимъ кораблестроеніемъ: онъ посѣщалъ больницы, воспитательныя дома, фабрики и мастерскія. Ничто не проходило мимо глазъ Петра незамѣченнымъ: онъ ко всему присматривался, обо всемъ разспрашивалъ, стараясь взять въ толкъ всякое новое для него дѣло. Наконецъ, корабль, который строилъ Петръ съ товарищами, былъ готовъ, спущенъ на воду и названъ „Петръ и Павелъ“. Корабль вышелъ очень хорошій, но Петръ все-таки не вполне былъ доволенъ; ему хотѣлось познакомиться съ наукой кораблестроенія. Для этого онъ рѣшилъ побывать еще въ Англіи.

Въ началѣ января, въ бурную погоду, Петръ вышелъ въ море и поплылъ въ Англію. Король Англіи Вильгельмъ выслалъ сановника поздравить Петра съ пріѣздомъ, потомъ самъ видѣлся съ нимъ и долго бесѣдовалъ. Петръ побывалъ вездѣ, ничего не пропуская безъ вниманія. Такъ прошло три мѣсяца. Царь сталъ собираться въ путь. Не даромъ прожилъ онъ въ Англіи; послѣ онъ говорилъ не разъ, что только тамъ выучился корабельному дѣлу. Передъ отъѣздомъ Петръ еще разъ побывалъ у Вильгельма и по его просьбѣ позволить списать съ себя портретъ, а затѣмъ выѣхалъ въ Голландію. Потомъ, побывавъ въ Вѣнѣ, Петръ уже собирался ѣхать въ Венецію; вдругъ пришло изъ Москвы извѣстіе, что стрѣльцы взбунтовались; государь на другой же день поѣхалъ въ Россію.

На другой день по возвращеніи Петра въ Москву пришли къ нему рано утромъ на поклонъ люди знатные и незнатные. Онъ ласково со всѣми поздоровался, со многими обнялся и подѣловался. Петръ собственноручно обрѣзалъ имъ бороды, не тронувъ только самыхъ почтенныхъ стариковъ. Послѣ того было велѣно указомъ всѣмъ брить бороды, кромѣ духовенства и крестьянъ. Спусти нѣкоторое время, велѣно было всѣмъ носить одежду иноземнаго покроя, короткую, какую уже носилъ самъ Петръ. Изъ всѣхъ старинныхъ обычаевъ ношеніе бороды

считалось чуть ли не самымъ священнымъ; стояло за бороды и духовенство. Патріархъ называлъ новый обычай гнуснымъ, отлучалъ за брадобритіе отъ церкви. Перемѣна платья произвела тоже большое смятеніе. Многіе заупрямились, и государь вынужденъ былъ не одинъ разъ повторять свой приказъ. Чтобы никто не отговаривался неумѣньемъ сшить платье новаго покроя, на улицахъ были вывѣшены чучелы, одѣтыя въ платье указаннаго образца. Вѣрно было одѣваться по иностранному и женщинамъ, но долго послѣ того многія московскія боярыни шеголяли въ нѣмецкихъ платьяхъ только на глазахъ государя, а когда онъ уѣзжалъ изъ города, то одѣвались по старинному.

Въ то время новый годъ праздновали 1-го сентября: въ Европѣ счетъ былъ другой: тамъ новый годъ начинался 1-го января. Петръ рѣшилъ сдѣлать такъ и на Руси. Поднялся новый ропотъ, но упираться противъ государевой воли никто не смѣлъ, и потому счетъ лѣтъ съ того времени и пошелъ съ 1-го января. Многое еще перемѣнилъ Петръ. Онъ не терпѣлъ церемоній и торжественныхъ шествій, которыя были тогда въ ходу при дворѣ, не любилъ и рабскаго обращенія, а потому не велѣлъ бросаться передъ собой на колѣна, какъ тогда было заведено, бить челомъ въ землю, снимать шапку передъ дворцомъ, писаться уменьшительными прозвищами. Петръ говорилъ, что желаетъ отъ людей меньше низости и больше усердія къ службѣ и вѣрности. Обѣдалъ царь всегда запросто; парадные обѣды онъ ненавидѣлъ и считалъ ихъ наказаніемъ. Доступъ къ царю сталъ свободный; вольно было каждому подавать и присылать письма о всякихъ улучшеніяхъ.

Увидавъ, какое почетное мѣсто занимаютъ женщины въ европейскихъ семьяхъ и на какой свободѣ онѣ тамъ живутъ, государь рѣшилъ завести то же самое у себя. Для этого приказано было, чтобы на свадьбахъ и общественныхъ увеселеніяхъ женщины находились вмѣстѣ съ мужчинами, а не особо; постановлено также, чтобы дѣвушки выходили замужъ по своей волѣ. До того времени женихъ и невѣста видѣлись въ первый разъ,

когда ужъ дѣло было совсѣмъ слажено, иногда даже только подъ вѣнцомъ. Случались при этомъ грубые обманы: отецъ высватывалъ свою дочь, а подъ вѣнецъ ставилъ дальнюю родственницу или служанку. Бывало и такъ, что на смотринахъ за невѣсту показывали какую-нибудь красивую дѣвушку, если дочь хозяина была некрасива, а подъ вѣнецъ ставили дочь. Петръ издалъ указъ, чтобы за шесть недѣль до вѣнчанія непременно быть обрученію, и если женихъ или невѣста захотятъ до вѣнца переменить свое намѣреніе, то не смѣтъ ихъ неволить. Петръ велѣлъ построить театръ и приказалъ туда ѣздить боярамъ съ женами и дочерьми. Позаботился царь также и о народномъ здоровьи: велѣлъ открыть въ Москвѣ восемь аптекъ и свободно выдавать оттуда лѣкарства. Позволено было продавать табакъ, отчего пошелъ сильный ропотъ. Чтобы можно было знать обо всемъ происходящемъ въ московскомъ государствѣ, Петръ велѣлъ издавать въ Москвѣ газету.

Дѣлая многое, чтобы приучить русскихъ людей жить не врозь, а сообща, Петръ придумалъ еще одно средство: собирать знакомыхъ и незнакомыхъ, чтобы вмѣстѣ проводить время. Такія собранія назывались ассамблеями; на ассамблею могли приходиться всѣ какъ мужчины, такъ и женщины. Хозяинъ дома, гдѣ собиралась ассамблея, не былъ обязанъ встрѣчать, провожать, подчивать гостей; онъ могъ даже на это время уйти изъ дому, лишь бы были приготовлены покой со столами, свѣчами, питьемъ и разными играми. Каждый гость могъ пріѣзжать и уѣзжать, когда хотѣлъ, ходить, сидѣть, играть, разговаривать, но не долженъ былъ ни вставать передъ кѣмъ бы то ни было, ни провожать; вообще, было велѣно быть безъ чиновъ. Виновнаго въ нарушеніи этихъ правилъ заставляли въ видѣ штрафа выпить огромный кубокъ вина.

Дѣятельность Петра Великаго.

Отъѣзжая въ чужія земли, царь Петръ оставилъ въ Россіи важныя дѣла: постройку флота, гаваней, крѣпо-

стей. Изъ Москвы писали ему, что работы идутъ хорошо; но послѣ того, что онъ видѣлъ въ Голландіи и Англіи, онъ какъ-то мало вѣрилъ этому. Вернувшись домой, онъ при первомъ досугѣ поѣхалъ въ Воронежъ, сумрачный, невеселый, во всемъ боясь неудачъ. Но боязнь его была напрасна: онъ увидѣлъ на водѣ 20 хорошихъ кораблей, а на берегу магазины, полные разныхъ матеріаловъ. Петръ развеселился и сейчасъ же принялся за работу. Теперь Россія владѣла хотя небольшимъ флотомъ, и государь задумалъ новое дѣло: Россіи нужно было море; царь рѣшилъ захватить побережье Балтійскаго моря, которое принадлежало тогда шведамъ; это море было выгодно для Россіи, такъ какъ соединило бы ее съ Европой, откуда можно было достать свѣдущихъ людей и, вообще, многому научиться. Швеція славилась своей военной силой; тогдашней Россіи нечего было и думать одолѣть ее. Но, захвативъ чужія земли, Швеція раздражила своихъ сосѣдей, и они ждали только случая возвратить свое; заключить съ ними союзъ было нетрудно.

И вотъ, Петръ, соединившись съ Польшей и Даніей, выступилъ противъ Швеціи. Началась Великая Сѣверная война. Впрочемъ, Данія скоро отстала, такъ какъ была разбита шведами и должна была заключить съ ними миръ. Трудно было русскимъ сражаться со шведами; русское войско было обучено плохо; приходилось учиться у своихъ же враговъ. При Нарвѣ русскіе потерпѣли большое пораженіе, но Петръ не упалъ духомъ; онъ заставилъ всѣхъ работать: въ городахъ, близкихъ къ границѣ, насыпали окопы, копали рвы; работали не только солдаты и обыватели, но даже женщины, священники и причетники. Государь велѣлъ набрать 10 новыхъ полковъ изъ добровольцевъ. Такъ какъ мѣди на пушки не хватило, то онъ велѣлъ снять часть колоколовъ на литье пушекъ. Благодаря такимъ энергичнымъ мѣрамъ, русскіе стали одерживать одну побѣду за другой. Послѣ долгой борьбы они добрались, наконецъ, до желаннаго моря.

16-го мая 1703 года Петръ основалъ городокъ Санктъ-Петербургъ при устьѣ рѣки Невы; здѣсь же была

заложена и крѣпость; чтобы работа шла успѣшнѣе, со всѣхъ концовъ государства было прислано до 20 тысячъ человѣкъ. Городакъ этотъ Петръ рѣшилъ сдѣлать своей столицей. Устройство новой столицы было однимъ изъ самыхъ любимыхъ дѣлъ Петра. Мѣсто, на которомъ стоитъ Петербургъ, представляло тогда почти сплошныя болота, но Петръ не жалѣлъ ни труда, ни денегъ, чтобы осушить ихъ. Городъ строился быстро. Сюда вѣлно было переселять людей всякихъ чиновъ и состояній; изъ одной Москвы было переселено до 12 тысячъ семей. Петръ понималъ, что на новомъ мѣстѣ со всякой новизной люди сживаются легче, а потому такъ и полюбилъ новый городъ. И дѣйствительно, новые обычаи и порядки принимались здѣсь скорѣе, чѣмъ въ Москвѣ; здѣсь все приходилось дѣлать вновь, а въ Москвѣ пришлось бы передѣлывать старое на новое.

Великая Сѣверная война длилась 21 годъ; когда она окончилась, Петръ торжественно праздновалъ миръ. Онъ поспѣшилъ освободить осужденныхъ и простить накопившіяся недоимки на нѣсколько милліоновъ рублей. По прочтеніи мирнаго договора государю была выражена просьба отъ имени всѣхъ русскихъ подданныхъ, чтобы онъ назывался Петромъ Великимъ, императоромъ все-россійскимъ, отцомъ отечества.

Многое передѣлалъ Петръ въ своемъ государствѣ, но еще многое оставалось измѣнить въ корнѣ. Такъ, чтобы завести болѣе порядка въ управленіи, онъ учредилъ Правительствующій Сенатъ, высшее правительственное учрежденіе. Когда царь уѣзжалъ изъ столицы, Сенатъ пользовался его властью. Высшая духовная власть до тѣхъ поръ находилась въ рукахъ одного лица — патріарха; Петръ же находилъ, что соборная власть, т. е. власть многихъ лицъ имѣетъ болѣе преимуществъ; поэтому онъ уничтожилъ патріаршую власть и учредилъ Святѣйшій Синодъ, который состоялъ изъ 12 членовъ. Синодъ разослалъ указы, по которому на священниковъ возлагались обязанности на деньги, вырученныя отъ продажи свѣчей, учреждать школы, строить богадѣлни; православнымъ было разрѣшено вступать въ бракъ съ

иновѣрцами; только дѣти отъ этихъ браковъ считались православными. На Руси гражданская и военная служба издавна были смѣшаны: одинъ и тотъ же человѣкъ, смотря по надобности, исправлялъ ту или другую службу; Петръ издалъ табель о рангахъ, таблицу гражданскихъ и военныхъ чиновъ. Съ нѣкоторыми измѣненіями она сохранилась до настоящаго времени. Послѣ этого всякій человѣкъ, какого бы онъ рода ни былъ, могъ дослужиться до высокаго чина. Напримѣръ, Меньшиковъ, любимецъ государя, говорятъ, въ дѣтствѣ продавалъ пирожки, а, благодаря своему уму и способностямъ, сдѣлался первымъ лицомъ при государѣ.

Большое вниманіе Петръ обратилъ на просвѣщеніе: велѣлъ устраивать цифирныя школы, семинаріи для приготовленія образованныхъ священниковъ; издалъ указъ, чтобы всѣхъ дѣтей духовенства, которые могутъ учиться, отдавать въ школы, кто не пойдетъ охотой, того брать силой; напечатано было множество книгъ; русскіе ѣздили въ чужія земли учиться, и Петръ самъ экзаменовалъ ихъ по возвращеніи и воздавалъ каждому по заслугамъ. Много подвинулись въ Россіи ремесла, промышленное и фабричное дѣло. Государь изъ чужихъ земель выписывалъ мастеровъ, а русскихъ посылалъ туда учиться. Самъ Петръ зналъ почти всѣ ремесла. Къ концу его царствованія въ Россіи насчитывалось до 230 фабрикъ и заводовъ. Было подвинуто также и горнозаводское дѣло; раньше желѣзо и мѣдь привозились изъ Швеціи, при Петрѣ же ихъ стали добывать у себя въ Россіи. Прежде лѣса вырубались безпощадно; Петръ строго запретилъ это. При немъ начали разводить овецъ хорошей породы, устроили нѣсколько конскихъ заводовъ. Однимъ словомъ, мудрый государь во всемъ старался ввести улучшенія и во многомъ успѣлъ. Отъ всѣхъ этихъ перемѣнъ стала расширяться и торговля, тѣмъ болѣе, что открылся новый торговый путь по Балтійскому морю.

Много бы прибавилось Петру славы, а любимой имъ Россіи пользы, если бы его жизнь продолжилась, но государь сталъ все чаще и чаще хворать, такъ какъ

не щадилъ своихъ силъ. Въ сентябрѣ 1724 года онъ сильно заболѣлъ; едва оправившись, онъ поѣхалъ воюю смотрѣть оружейные заводы. Время было позднее, бурливое. На пути онъ увидѣлъ плившихъ матросовъ въ большой опасности отъ бури. Тутъ не вытерпѣло сердце Петра: онъ самъ сначала въ своей шляпкѣ, а затѣмъ по поясъ въ водѣ, бросился спасать матросовъ. Матросовъ то онъ спасъ, а свое здоровье погубилъ. Отъ вѣтра, воды и холода государь заболѣлъ тяжело и 26 января 1725 года скончался. Толпы народа приходили поклониться праху Петра и поцѣловать его мозолистую руку. Скорбь была глубокая и всеобщая. Въ началѣ марта тѣло перваго русскаго императора было перевезено въ Петропавловскій соборъ. Отслужили обѣдню; послѣ обѣдни митрополитъ сказалъ надгробное слово, начавъ такъ: „До чего мы дожили, о россияне! Что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!“ Кончилъ онъ утѣшеніемъ: „Какою онъ Россію сдѣлалъ, такова и будетъ: сдѣлалъ добрымъ любимую, любима и будетъ; сдѣлалъ врагамъ страшною, страшна и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славною, славна и быть не перестанетъ!“

Екатерина II.

Императрица Екатерина II была родомъ нѣмецкая принцесса. Она вышла замужъ за русскаго наслѣдника, приняла православіе и прожила 18 лѣтъ въ Россіи, прежде чѣмъ вступила на престолъ въ 1762 году. За это время она успѣла прекрасно выучиться русскому языку и полюбить Россію, какъ родную страну. „Богъ мнѣ свидѣтель,—писала она тогда,—что я желаю и хочу только блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь“. Въ то же время Екатерина перечитала много сочиненій лучшихъ тогдашнихъ иностранныхъ писателей. Она читала; между прочимъ, тѣ сочиненія, въ которыхъ говорилось объ управленіи государствомъ и о томъ, какіе въ немъ должны быть законы, чтобы народу хорошо жилось. Екатерина была очень умна: чтеніе это не про-

пало для нея даромъ; она многому выучилась, о многомъ передумала. Это приготовило ее къ трудному дѣлу управленія государствомъ.

По вступленіи на престолъ, императрица объявила народу въ своихъ манифестахъ, что „всѣ свои труды, всю жизнь посвятить на славу Россіи“. Она, дѣйствительно, работала неутомимо и царствовала умно и твердо. Петръ Великій разомъ во многомъ измѣнилъ старый бытъ Россіи и сдѣлалъ ее сильнымъ европейскимъ государствомъ. Послѣ него Россія шла впередъ медленно, пока не вступила на престолъ Екатерина II. Она продолжала съ успѣхомъ дѣла Петра. Екатерина умѣла выбрать себѣ способныхъ помощниковъ: Потемкина, Панина, Безбородко и другихъ. Сношеніями съ иностранными государствами Екатерина руководила лично. Она всегда ясно понимала выгоды Россіи и твердо ихъ отстаивала. Такимъ образомъ, она заставила Европу уважать свою волю, упрочила могущество Россіи и расширила ея границы. На западѣ Екатерина, почти безъ военныхъ дѣйствій, присоединила къ Россіи Курляндію и большую часть польскаго королевства. Особенно важны были ея пріобрѣтенія на югѣ Россіи — берега Чернаго моря и Крымъ. Этотъ край достался Екатеринѣ цѣною двухъ продолжительныхъ войнъ съ турками. Русскіе полководцы Румянцевъ и знаменитый Суворовъ одерживали блестящія побѣды надъ врагами; тѣмъ не менѣе войны эти были тяжелы для Россіи; во время второй изъ нихъ вспыхнула война со Швеціей. Россія была въ трудномъ положеніи, но императрица не унывала, дѣйствовала твердо и добилаь выгоднаго мира.

Среди всѣхъ этихъ внѣшнихъ дѣлъ императрица постоянно заботилась о внутреннемъ управленіи государ-

Императрица Екаатерина II.

ства. Исправить и улучшить это управленіе—таковы были намѣренія и мечты Екатерины, когда она вступала на престолъ. Прежде всего она задумала дать народу новые лучшіе законы. Чтобы издать хорошіе законы, она хотѣла знать, что именно нужно для Россіи на всемъ ея обширномъ пространствѣ. Императрица рѣшила спросить объ этомъ самихъ жителей. По ея приказанію всѣ мѣстности и города Россіи, даже самые отдаленные, прислали въ Москву своихъ довѣренныхъ лицъ. 550 человѣкъ собралось вмѣстѣ. Тутъ были лица разныхъ сословій: дворяне, купцы, крестьяне; здѣсь были жители столицъ и рядомъ съ ними башкиры, самоѣды и другіе инородцы. Всѣ они привезли съ собою письменныя наставленія отъ своихъ земляковъ, въ которыхъ излагались нужды и желанія ихъ края. Этому собранію поручили разобрать всѣ потребности Россіи, обсудить, какіе законы ей нужны, и составить новый сборникъ законовъ или Новое Уложеніе. Поэтому собраніе называли: „Комиссіей по составленію Новаго Уложенія“. Императрица желала сама руководить работами комиссіи. Она еще раньше приготовила для нея особое наставленіе, или Наказъ. Это была цѣлая книга, надъ которой Екатерина работала два года. Она высказала въ ней много прекрасныхъ, челоуколюбивыхъ мыслей. „Законъ христіанскій научаетъ насъ взаимно дѣлать другъ другу добро, сколько возможно“, такъ начинается императрица свой „Наказъ“. Затѣмъ идутъ размышленія о Россіи, объ императорской власти, о законахъ, о судѣ, о наказаніи виновныхъ, о воспитаніи дѣтей и о многомъ другомъ; напримѣръ: „сдѣлайте, чтобы люди боялись законовъ и никого бы, кромѣ нихъ, не боялись“; „гораздо лучше предупреждать преступленія, нежели наказывать“. Въ „Наказѣ“ много говорится о добродѣтели, о любви къ ближнему и отечеству. „Наказъ“ императрицы много разъ читали въ комиссіи, которая работала усердно; императрица сама слѣдила за ея трудами. Тѣмъ не менѣе, дѣло затянулось. Въ комиссіи было слишкомъ много народа; многіе не были готовы къ такой работѣ. Наконецъ, сама императрица охладѣла къ затѣянному дѣлу. Комиссія была закрыта; все же

она принесла не мало пользы. Императрица успѣла познакомиться съ положеніемъ Россіи, съ нуждами самыхъ отдаленныхъ ея частей. Впослѣдствіи императрица часто пользовалась письменными трудами комиссіи, когда приступила къ устройству внутренняго управленія.

Еще Петръ I раздѣлилъ Россію на нѣсколько губерній, но онѣ были слишкомъ обширны. Екатерина увеличила число ихъ до 50. Она находила неудобнымъ многія мѣстныя дѣла губерній рѣшать издали, изъ Петербурга; поэтому въ губерніяхъ были устроены особыя учрежденія для веденія всѣхъ мѣстныхъ дѣлъ. Они должны были слѣдить за исполненіемъ законовъ, устраивать почту, дороги, благотворительный заведенія и многое другое. Во главѣ губерній были поставлены губернаторы. Екатерина первая обратила русскій судъ въ особое учрежденіе, въ которомъ разбирались одни судебныя дѣла. До нея дѣла эти рѣшались въ тѣхъ же учрежденіяхъ, которыя вѣдали общее управленіе. Екатерина считала нужнымъ точно опредѣлить права каждаго сословія въ Россіи. Дворянамъ она дала „Жалованную грамоту“, въ которой они признаются руководящимъ сословіемъ. Жалованная грамота подтверждаетъ право дворянъ владѣть крѣпостными, даетъ имъ многія другія преимущества, напримѣръ, право собираться вмѣстѣ, выбирать предводителя и обсуждать свои дѣла. Города тоже получили „Жалованную грамоту“. Тутъ Екатерина продолжала дѣло Петра I. Она дала жителямъ право собираться вмѣстѣ и выбирать лицъ, которыя составляли особыя учрежденія, думы. Думы должны были завѣдывать всѣми дѣлами города.

Въ началѣ своего царствованія императрица мечтала объ освобожденіи крестьянъ. Она много писала и говорила объ этомъ; она выражала желаніе, чтобы въ ея государствѣ не было рабовъ и господъ, а всѣ были свободны. Слова и мысли императрицы не пропали даромъ: они жили въ памяти людей, они передались ея преемникамъ, которые постепенно ослабляли крѣпостное право, пока его не уничтожилъ окончательно императоръ Александръ II. Сама императрица Екатерина, къ сожалѣнію,

не привела въ исполненіе своего намѣренія. Многія изъ лицъ, близкихъ къ ней, не желали уничтоженія крѣпостного права; сама она со временемъ стала легче смотрѣть на положеніе крестьянъ. Положеніе это въ ея царствованіе даже ухудшилось; крестьянамъ было, напри- мѣръ, запрещено жаловаться на своихъ господъ. Тяжелая жизнь возбуждала народъ къ мятежамъ. Въ царствованіе Екатерины было нѣсколько бунтовъ крестьянъ. Самый сильный изъ нихъ поднялъ бѣглый казакъ Емельянъ Пугачевъ. Бунтъ начался на востокѣ Россіи, на Уралѣ. Сначала возстали казаки; къ нимъ присоединилось много всякаго буйнаго народа. Мятежники грабили страну, брали города и избивали всѣхъ, кто не приставакъ къ нимъ; особенно помѣщиковъ. Мятежъ распространился по обоимъ берегамъ Волги и длился цѣлый годъ. Онъ былъ усмирень войсками только съ большимъ трудомъ.

Екатерина очень огорчалась этими печальными событіями, но они не останавливали ея дѣятельности. Чтобы поддержать русскую торговлю, она провела нѣсколько водныхъ каналовъ. Молодые люди, по желанію, были отправлены за границу учиться торговому дѣлу. Въ заботахъ о народномъ образованіи Екатеринѣ помогаль Бецкій. По его совѣту были устроены воспитательные дома сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ. Въ Петербургѣ же былъ открытъ первый институтъ для дѣвицъ. Императрица сама слѣдила за ихъ воспитаніемъ. Первый университетъ былъ открытъ въ Россіи еще при Елизаветѣ Петровнѣ, но среднихъ и низшихъ заведеній до Екатерины почти не было; она первая стала заботиться объ устройствѣ народныхъ училищъ. Императрица, какъ женщина очень образованная, высоко цѣнила науку. Она много занималась исторіей и этимъ способствовала ея развитію въ Россіи. Въ ея царствованіе начали дѣятельно разрабатывать исторію Россіи, отыскивать и изучать старыя лѣтописи. Такое же дѣятельное участіе принимала Екатерина и въ русской литературѣ. Она сама много писала: то составляла учебники для своихъ внуковъ, то сочиняла сказки, повѣсти, комедіи и во всѣхъ ихъ выражала хорошія чувства.

Удивительно, какъ императрица находила время и силы для всѣхъ этихъ занятій. Ежедневно съ 6 часовъ утра она была уже за работой. Она то писала и читала, то слушала доклады и, занимаясь государственными дѣлами, входила во всѣ мелочи управленія. При всемъ этомъ она успѣвала писать письма своимъ друзьямъ, а ихъ у нея было много, въ томъ числѣ нѣкоторые иностранные ученые и писатели. Въ чрезвычайно остроумныхъ и интересныхъ письмахъ императрица сообщала имъ все, что она думала и дѣлала. Она хотѣла, чтобы объ этомъ знали заграницей и достигла своей цѣли. Слава русской императрицы распространилась по всей Европѣ, а Екатерина любила славу. Многіе иностранцы пріѣзжали къ ней и жили при ея дворѣ. Дворъ императрицы отличался пышностью. Она любила блескъ и роскошные празднества; любила умную, веселую бесѣду. Сама Екатерина была душой общества. Веселость она сохранила до конца своихъ дней. Всегда величаясь, она была пріятлива со всѣми и пользовалась привязанностью окружающихъ. Екатерина II скончалась скоростижно въ 1796 году. Царствованіе ея имѣло большое значеніе для Россіи. Если Екатерина не все выполнила, о чемъ мечтала, если ей не все удалось, все же Россія при ней быстро подалась впередъ.

Потемкинъ и заселеніе Новороссійскаго края.

Россія не всегда была такой большой, какъ теперь. Тысяча лѣтъ тому назадъ, когда она только что возникла, она была очень невелика. Съ тѣхъ поръ она все время росла, расширяя свои границы во всѣ стороны. Последнія значительныя приобрѣтенія были сдѣланы въ царствованіе императрицы Екатерины Великой. Тогда же Россія окончательно утвердилась на югѣ. Здѣсь тянулись обширныя плодородныя степи, доходившія до самаго Чернаго моря. Ихъ пересѣкала большая рѣка Днѣпръ. Эти южныя степи издавна были любимымъ мѣстомъ кочевниковъ. Въ нихъ еще задолго до образованія рус-

скаго государства кочевали разные дикіе народы. Первые русскіе князья боролись на югѣ съ печенѣгами, затѣмъ появились половцы, а въ XIII столѣтіи ихъ смѣнили страшные татары. Они подчинили себѣ всѣ русскія земли и держали ихъ подъ своей властью болѣе двухсотъ лѣтъ. Когда татарское иго было, наконецъ, свергнуто, часть татаръ утвердилась на Крымскомъ полуостровѣ. Отсюда они дѣлали частые набѣги на русскія земли, иногда доходя даже до самой Москвы. На своемъ пути татары все разоряли, сжигали селенія, уводили множество плѣнныхъ, — однимъ словомъ, превращали мѣстность въ совершенную пустыню. Крымскіе набѣги продолжались втеченіе трехсотъ лѣтъ. Только съ небольшимъ сто лѣтъ назадъ Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи.

При такихъ условіяхъ заселеніе южныхъ степей не могло итти быстро. Первыми поселились здѣсь запорожскіе казаки. Въ XVI столѣтіи они утвердились у днѣпровскихъ пороговъ, образовавъ знаменитую Запорожскую Сѣчь; затѣмъ мало-по-малу они стали расширять свои поселенія. Очень воинственные, они успѣшно боролись съ крымскими татарами, оберегая отъ нихъ русскія границы. Русское правительство съ своей стороны заботилось о заселеніи этого края. Чтобы сдѣлать его безопаснымъ, оно строило рядъ крѣпостей, подвигая ихъ все глубже и глубже въ степь. Въ XVIII столѣтіи около запорожцевъ поселились сербы. Потомъ къ нимъ понемногу начали присоединяться другіе иностранцы; стали селиться и русскіе. Переселенцамъ дѣлались разныя облегченія, чтобы имъ не слишкомъ трудно было устраиваться на новыхъ мѣстахъ. Такъ, напримѣръ, правительство на нѣкоторое время освобождало ихъ отъ налоговъ. А селиться въ южныхъ степяхъ было нелегко: земля хоть и была плодородная, черноземная, но совсѣмъ не расчищенная; лѣтомъ, вслѣдствіе недостатка воды, бывали сильныя засухи; вся трава выгорала; большой вредъ причиняла саранча: она часто истребляла всю растительность на огромныя пространства; страшны были малолюдныя степи и въ холодныя зимы; кромѣ всего этого, приходилось постоянно опасаться татарскихъ набѣговъ;

это было чуть ли не самое большое зло. Въ царствованіе Екатерины Великой заселеніе этого края, названнаго Новороссіей, пошло гораздо быстрѣе. Этимъ Россія много обязана Григорію Александровичу Потемкину, бывшему главнымъ начальникомъ Новороссіи втеченіе семнадцати лѣтъ.

Потемкинъ былъ сыномъ небогатаго помѣщика; сначала онъ учился въ университетѣ, а потомъ поступилъ въ военную службу, къ которой у него оказались большія способности. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно умный и энергичный; главной же чертой его характера было честолюбіе; онъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ возвыситься. Въ это время началась война русскихъ съ Турціей; она продолжалась шесть лѣтъ и была очень удачна для Россіи. Потемкинъ все время добровольно принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, проявляя большую храбрость и распорядительность. Вскорѣ онъ обратилъ на себя вниманіе императрицы; хорошіе помощники были ей нужны; она оцѣнила его умъ и огромныя способности и приблизила его къ себѣ. Потемкинъ началъ принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ; но главное вниманіе онъ обратилъ на югъ Россіи.

Къ этому времени условія заселенія Новороссіи улучшились. По миру, которымъ окончилась война съ Турціей, Россія получила часть черноморскаго побережья. Доступъ къ морю для каждой страны очень важенъ: онъ облегчаетъ сношенія съ другими государствами, поднимаетъ промышленность и торговлю, слѣдовательно, обогащаетъ страну, дѣлаетъ ее привлекательнѣе для поселенцевъ. Но Крымъ все еще былъ грозой Новороссіи, хотя и было уже много сдѣлано для защиты отъ него русскихъ земель. Потемкинъ всѣми силами началъ стремиться подчинить его Россіи. Въ то время въ Крыму было двѣ партіи: одна держалась Турціи, другая—Россіи; онѣ враждовали между собой и старались посадить на ханскій престолъ своего приверженца. Потемкинъ воспользовался тѣмъ, что ханомъ былъ русскій сторонникъ, и уговорилъ его отречься отъ престола и отдать Крымъ Россіи. Присоединеніе Крыма было событіемъ чрезвычайно

важнымъ: съ этихъ поръ заселеніе юга пошло очень быстро.

Въ своихъ заботахъ о Новороссіи Потемкинъ главное вниманіе обращалъ на постройку городовъ; онъ создалъ цѣлый рядъ ихъ; самые большіе изъ нихъ — Херсонъ, Николаевъ и Екатеринославъ, возраставшіе очень быстро, благодаря усиліямъ Потемкина. Херсонъ и Николаевъ были первыми русскими гаванями на югѣ. Въ нихъ стали строиться первые корабли, положившіе начало черноморскому флоту. На созданіе городовъ Потемкинъ положилъ много труда и энергіи. Онъ всегда страстно стремился исполнить то, что задумывалъ. Планы же его, благодаря его пылкому воображенію, часто не соответствовали ни средствамъ, ни потребностямъ страны. Онъ мечталъ превратить Новороссію въ богатую, густо населенную страну, покрытую великолѣпными городами. Конечно, достигъ этого въ короткое время онъ не могъ, но все же имъ было сдѣлано много: заселеніе Новороссіи было сильно двинуто впередъ; положено было прочное основаніе торговлѣ и промышленности края. И въ этомъ заслуга Потемкина передъ Россіей.

Суворовъ.

Отецъ Александра Васильевича Суворова былъ заслуженный генералъ, крестникъ Петра Великаго и человѣкъ образованный. Еще въ дѣтствѣ, Суворовъ выказывалъ большую охоту къ военной службѣ съ восторгомъ читалъ исторіи различныхъ войнъ и все думалъ, какъ бы ему сдѣлаться знаменитымъ полководцемъ. Такъ какъ онъ былъ слабаго тѣлосложенія, то отецъ долго не соглашался отдать его въ военную службу. Наконецъ, отецъ согласился, и 15-ти лѣтъ отъ роду молодой Суворовъ поступилъ въ военную службу простымъ солдатомъ и цѣлыхъ девять лѣтъ прослужилъ до офицерскаго чина. Произошло это потому, что въ то время дворяне записывали своихъ дѣтей въ военную службу чуть не съ колыбели, и они безъ всякой службы получали чины за чинами. Суворовъ

же былъ записанъ въ полкъ только 12 лѣтъ. Служа рядовымъ, Суворовъ по образу жизни нисколько не отличался отъ простыхъ солдатъ: ходить на караулы, стоять на часахъ во всякую погоду, ѣсть простую пищу. Будучи слабаго здоровья, онъ укрѣпилъ себя тѣмъ, что каждый день по нѣскольку разъ обливался холодною водою, вставалъ до солнечнаго восхода, спалъ на сѣнѣ или соломѣ, укрывшись легкимъ плащомъ, и никогда не носилъ шубы. Живя всегда вмѣстѣ съ рядовыми, онъ изучилъ хорошо нравы солдатъ, ихъ языкъ, привычки, совершенно сроднился съ ихъ бытомъ и сталъ для нихъ своимъ человекомъ.

Суворовъ.

Впослѣдствіи, когда онъ былъ генераломъ и, наконецъ, фельдмаршаломъ, образъ жизни его оставался все тѣмъ же. Суворовъ попрежнему дѣлилъ съ своими войсками всѣ невзгоды и лишенія походной жизни. Однажды во время зимняго похода, солдатамъ не успѣли во-время шинели, и они мерзли въ кителяхъ; вмѣстѣ съ другими дрожалъ въ кителѣ и Суворовъ. Только тогда, когда привезли шинели, надѣлъ и онъ свою суконную куртку. Суворовъ любилъ солдатъ, онъ старался воспитать и облагородить ихъ души: устраивалъ школы, самъ составлялъ учебники (арифметику, молитвенникъ, краткій катехивисъ); самъ училъ въ этихъ школахъ не только солдатъ-новобранцевъ, но и солдатскихъ дѣтей. Для полезнаго развлеченія солдатъ онъ устроилъ театръ. Доброта Суворова къ солдатамъ особенно сказывалась въ томъ, что онъ рѣдко прибѣгалъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Между тѣмъ, въ то суровое, жестокое время многіе полководцы наказывали солдатъ безъ пощады, били ихъ до полусмерти, такъ что часто солдаты умирали подъ палками.

Проведя почти всю жизнь или въ казармахъ, или въ лагеряхъ, Суворовъ, даже будучи фельдмаршаломъ, со-

хранялъ привычки лагерной жизни: онъ спать всегда на соломѣ и не любилъ богатыхъ помѣщеній, роскошной мебели и въ особенности зеркалъ. Въ образѣ жизни Суворова было много странностей и причудъ. Онъ часто въ глухую полночь будилъ войска для дальнѣйшаго похода крикомъ „кукуреку“, хлопая при этомъ въ ладоши, какъ пѣтухъ крыльями; зимой одѣвался по-лѣтнему, а лѣтомъ ходилъ часто въ одной рубашкѣ, пристегивая къ ней ордена. Несмотря на эти странности, солдаты, видя любовь къ себѣ Суворова, уважали его, довѣрялись ему всею душой, любили, какъ отца родного и готовы были идти за нимъ въ огонь и въ воду: „Когда батюшка нашъ Суворовъ съ нами, то и побѣда наша“.

Суворовъ дѣлалъ съ своими пѣхотинцами переходы по 70 верстъ въ сутки; при этомъ солдаты были всегда въ такомъ порядкѣ, что каждую минуту были готовы къ бою. Неустоимость, выносливость и храбрость суворовскихъ солдатъ, одушевляемыхъ примѣромъ начальника, были удивительны. „Для русскаго солдата — говаривалъ самъ Суворовъ, — нѣтъ середины между смертью и побѣдой. Коли сказано впередъ, я не знаю, что значить отступленіе, усталость, голодъ или холодъ“.

Уже имя Суворова было страшно непріятелямъ. Подъ его предводительствомъ войско какъ будто вырастало, сила его увеличивалась вдвое. Суворовъ одержалъ множество побѣдъ. Болѣе всего прославился онъ въ царствованіе сына Екатерины II, Павла I, во время похода въ Италію. Онъ былъ посланъ туда противъ французовъ, захватившихъ всю Италію и собиравшихся идти на другія государства. Въ одинъ годъ онъ одержалъ надъ французами множество побѣдъ, побилъ лучшихъ ихъ полководцевъ, взялъ у нихъ много плѣнныхъ и оружія. Но особенно прославился тутъ Суворовъ переходомъ черезъ высочайшія горы, отдѣляющія Италію отъ сѣверныхъ странъ. Вершины этихъ горъ заходятъ за облака и вѣчно покрыты снѣгомъ. Въ страшный холодъ, безъ сѣстныхъ припасовъ, русскимъ приходилось карабкаться по узкимъ тропинкамъ на крутизны и скалы, спускаться

по обрывамъ въ глубокія пропасти; притомъ надо было еще сражаться съ французами, занявшими всѣ проходы. Въ этомъ походѣ особенно сказалось то громадное вліяніе, какое имѣлъ Суворовъ на своихъ солдатъ. Однажды въ началѣ похода солдаты при видѣ высокихъ горъ, черезъ которыя нужно было перейти, начали роптать. Узнавъ объ этомъ, Суворовъ приказалъ вырыть могилу и затѣмъ, вставъ передъ рядами солдатъ, сказалъ, что онъ не перенесетъ ихъ позора и просить положить его въ могилу. Солдаты бросились къ нему, падали передъ нимъ на колѣни, цѣловали его руки и клялись умереть съ нимъ вмѣстѣ. Дѣйствительно, послѣ этого солдаты не проронили ни одного слова жалобы или неудовольствія. Какъ велики были трудности похода, можно судить по знаменитому переходу черезъ такъ называемый Чортовъ мостъ.

Мостъ этотъ былъ перекинутъ черезъ горную рѣчку, протекающую между двумя громадными скалами. Для того, чтобы попасть на него нужно было пройти черезъ узкое отверстіе, пробитое въ скалѣ, и затѣмъ по узкой, крутой тропинкѣ спуститься къ мосту. Какъ разъ у отверстія стояли французы съ своими пушками и, если бы русскіе пошли этимъ путемъ, то всѣ были бы перебиты поодиночкѣ. Тогда Суворовъ приказалъ солдатамъ взобраться на вершину скалы, черезъ которую было пробито отверстіе, и оттуда спуститься внизъ къ мосту. Съ неимоверными усиліями русскіе взобрались на вершину. Французы были такъ поражены ихъ неожиданнымъ появленіемъ, что, боясь быть отрѣзанными отъ своихъ войскъ, расположенныхъ по ту сторону моста, поспѣшно отступили за мостъ, не успѣвъ его разрушить, а только испортивъ. Тогда завязалась оживленная перестрѣлка. Нѣкоторые солдаты, несмотря на быстроту теченія, спрыгивали съ утесовъ въ рѣчку и по поясъ въ водѣ перебирались на другую сторону; другіе взбирались на скалы, чтобы оттуда удобнѣе стрѣлять въ непріятеля; третьи начали чинить испорченный мостъ. За неимѣніемъ матеріаловъ для починки были взяты старыя бревна отъ сарая, находившагося поблизости. Бревна эти связыва-

лись офицерскими поясами. Благодаря молодецкой отвагѣ, русскіе подъ градомъ пуль перебрались на другой берегъ и заставили французовъ отступить.

Много трудовъ и лишеній пришлось перенести русскимъ войскамъ во время этого похода, но, ободряемые и одушевляемые любимымъ вождемъ, они бодро шли впередъ и, несмотря на всѣ препятствія, съ торжествомъ воротились въ отечество. Въ награду за подвиги Суворову былъ пожалованъ титулъ свѣтлѣйшаго князя съ прозваніемъ Италійскаго, даровано высшее почетнѣйшее достоинство російскаго генералиссимуса; повелѣно было отдавать ему воинскія почести, подобныя царскимъ, даже въ присутствіи государя. „Достойному — достойное“, говорилъ императоръ въ своемъ рескриптѣ.

Вскорѣ, послѣ возвращенія изъ похода въ Италію, Суворовъ скончался (6 мая 1800 года) на 72 году своей жизни.

Отечественная война.

Въ то время какъ въ Россіи царствовалъ Александръ I, внукъ Екатерины Великой, во Франціи былъ императоромъ Наполеонъ I. Онъ былъ сыномъ бѣднаго дворянина. Поступивъ въ военную службу, онъ скоро выдвинулся; способности къ военному дѣлу у него были огромныя; всякое военное предпріятіе ему удавалось, слава его все больше и больше росла, на него обратились взоры всѣхъ французовъ, всѣ думали, что только онъ одинъ въ состояніи поправить дѣла Франціи (въ ней были тогда большіе безпорядки). Наполеонъ воспользовался такимъ настроеніемъ и захватилъ французскій престолъ. Но ему мало было власти во Франціи; онъ хотѣлъ распоряжаться во всей Европѣ. Это ему удалось: всѣ его войны кончались успѣшно; всѣ его боялись; онъ подчинилъ себѣ всѣ государства; только Англія и Россія оставались еще независимыми. Съ русскимъ императоромъ Наполеонъ былъ сначала друженъ, но скоро ему захо-

тѣлось имѣть вліяніе и на русскія дѣла; онъ сталъ вмѣшиваться въ торговыя соошенія Россіи съ иностранными государствами. Несмотря на всѣ старанія Александра сохранить миръ, не допустить до кровопролитія, несмотря на всѣ уступки, какія дѣлались со стороны русскихъ, Наполеонъ въ іюлѣ 1812 года вторгся въ Россію: онъ рассчитывалъ управиться съ ней такъ же легко, какъ съ другими европейскими государствами. Но случилось иначе: стоило только врагу ступить на русскую землю, и весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, поднялся на защиту своего отечества.

„Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ объ ихъ долгѣ и храбрости. Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу! Я съ вами. На начинающаго Богъ!“—такъ говорилось въ приказѣ, отданномъ по арміи на другой день послѣ вступленія Наполеона въ Россію. И войска откликнулись на этотъ призывъ.

Однако, у Наполеона было болѣе 600 тысячъ человѣкъ, а русскіе могли противопоставить имъ только 200 тысячъ, да и эту армію для защиты всей западной границы пришлось раздѣлить на двѣ: одна часть, подъ начальствомъ Барклай-де-Толли, стояла около Вильны, другая, предводительствуемая княземъ Багратиономъ, находилась въ Гродненской губерніи.

Когда главныя силы французовъ двинулись по направлению къ Москвѣ, эти арміи не рѣшились дать Наполеону сраженіе, а стали шагъ за шагомъ отступать къ Смоленску, гдѣ и соединились. Наполеонъ двинулся за ними: онъ рассчитывалъ отрѣзать русскую армію отъ Москвы, напавъ на нее съ тылу. Однако, это ему не удалось. Корпусъ Раевского успѣлъ занять Смоленскъ въ то время, какъ Невѣровскій съ семью тысячами храбрыхъ сдерживалъ подъ селомъ Краснымъ стотысячную армію Наполеона. Раевскій безъ устали двое сутокъ отстаивалъ Смоленскъ, пока, наконецъ, не

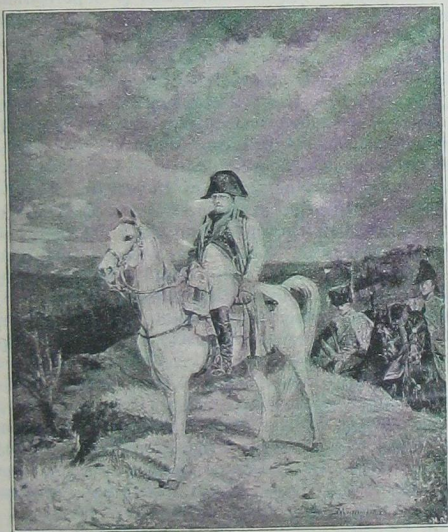
Императоръ Александръ I.

пришло извѣстіе, что русская армія успѣла отступить. Тогда онъ оставилъ ночью несчастный разгромленный городъ и тоже отступилъ. Наполеонъ не очень обрадовался своей побѣдѣ, когда занялъ эти опустошенные, дымящіеся развалины. Онъ началъ было подумывать о мирѣ, но Александръ съ негодованіемъ отвергъ его предложенія. „Я не положу оружія, доколѣ ни единого непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“, говоритъ онъ въ своемъ приказѣ. И эти слова отозвались въ сердцахъ каждаго русскаго; поднялись всѣ: и дворянство, и городскія общества, и крестьяне, каждый старался по мѣрѣ силъ и возможности послужить странѣ своей. Смоленское дворянство поставило 20 тысячъ ратниковъ, московское—80 тысячъ и собрало 3 милліона рублей, московское купечество пожертвовало милліонъ рублей. Ихъ примѣру послѣдовала вся Россія; менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ различные города и общества выставили силу въ 320 тысячъ ратниковъ и пожертвовали 100 милліоновъ рублей. Конечно, такъ поспѣшно собранная рать не могла быть обучена военному дѣлу; но зато въ душѣ каждаго жило одно общее желаніе поскорѣе избавиться отъ врага.

Между тѣмъ, Барклай все отступалъ и не думалъ сражаться съ непріятелемъ. Поднялся всеобщій ропотъ, и государь назначилъ другого полководца. 18-го августа въ главную квартиру арміи прибылъ любимецъ русскаго войска Кутузовъ. Его встрѣтили восторженно; втихомолку солдаты говорили, что онъ пріѣхалъ „бить французовъ“. Дѣйствительно, подъ Бородинымъ (между Можайскомъ и Москвою) было дано сраженіе. Болѣе 100 тысячъ русскихъ и французовъ легло на Бородинскомъ полѣ. Кутузовъ рѣшилъ, что биться больше нельзя, и отступилъ къ Москвѣ. Слѣдомъ за нимъ двинулись и французы.

Перваго сентября русское войско прибыло въ Москву и остановилось на Поклонной горѣ. Еще за нѣсколько дней московскій генераль-губернаторъ графъ Растопчинъ обнародовалъ воззваніе къ жителямъ и призывалъ всѣхъ къ оружію. Но главнокомандующій и его военный совѣтъ,

собранный ночью въ простой крестьянской избѣ, въ деревнѣ Филяхъ, рѣшили иначе. При малочисленности арміи нельзя было дать битвы, можно было потерять все войско. „Лучше уже потерять столицу и сохранить армію“, рѣшено было на военномъ совѣтѣ.

Наполеонъ на Поклонной горѣ.

Всѣ жители, всѣ присутствія мѣста, всѣ учебныя заведенія — все покинуло Москву, все было выведено на сѣверъ и на востокъ, по нижегородской и ярославской дорогамъ. Москва опустѣла. Тогда и войско оставило ее, двинулось по рязанской дорогѣ. Не успѣли послѣдніе

русскіе солдаты выйти изъ Москвы, какъ уже передовые отряды французовъ вступили въ нее съ противоположной стороны. Наполеонъ выѣхалъ на Поклонную гору и, любуясь Москвою, сказалъ: „Такъ вотъ онъ, наконецъ, этотъ славный городъ!“ Онъ поскакалъ къ Дорогомиловской заставѣ, соскочилъ на землю и съ нетерпѣніемъ сталъ прохаживаться взадъ и впередъ; онъ ожидалъ, что сейчасъ выйдутъ къ нему городскія власти съ хлѣбомъ-солью и ключами города. Но все безмолствовало. Когда онъ, наконецъ, послалъ узнать, въ чемъ дѣло, къ нему привели нѣсколькихъ иностранцевъ, и тѣ объяснили, что всѣ жители покинули столицу, да еще передъ отъѣздомъ истребили всѣ съѣстные припасы, которыхъ не могли захватить съ собою.

Невесело было на душѣ у Наполеона, когда онъ пріѣхалъ въ Кремль, но худшее ждало его еще впереди. Русскіе рѣшили не только сдать Москву, но и зажечь ее. По всей Москвѣ вспыхнуло пламя; дошло оно и до Кремля, такъ что Наполеонъ принужденъ былъ выѣхать изъ Москвы въ загородный Петровский дворецъ. Плохо пришлось тѣмъ изъ русскихъ, которые не успѣли или не хотѣли уѣхать изъ Москвы: французы на нихъ вымещали свою злобу, грабили, убивали ихъ. Открылся голодъ, пришлось ѣсть конину, кошекъ, собакъ, воронъ и мерзлыя овощи съ огородовъ. Для хлѣба доставали мокрую муку съ потопленныхъ барокъ; но и этого запаса хватило не надолго. Между тѣмъ, начались холода, и французы дрогли въ полуобгорѣвшихъ пустыхъ домахъ. Чтобы согрѣться, разводили костры, не жалѣя для этого ни картинъ, ни иконъ, ни дорогой мебели.

Наполеонъ увидѣлъ, что ошибся въ расчетахъ, и опять послалъ къ государю съ предложеніемъ мира; но Александръ I твердо сказалъ: „Я лучше соглашусь жить въ Сибири, чѣмъ заключить миръ, подписать стыдъ отечества и добрыхъ подданныхъ, пожертвованія которыхъ умѣю цѣнить“.

Наполеону пришлось выступить изъ Москвы. Тутъ то и начались настоящія бѣдствія для него и для его

арміи: измученные, голодные, обносившіеся выбрались французы изъ Москвы, взорвавъ Кремль, и двинулись по калужской дорогѣ. Между тѣмъ, и русскіе не дремали. Загорѣлась мелкая народная война, крайне тягостная для французовъ; крестьяне составляли небольшіе отряды подъ начальствомъ храбрыхъ офицеровъ; у кого не было ружья, тотъ шелъ съ саблею и съ пистолетомъ; у кого и этого оружія не случалось—запасался дубинами, кольями, рогатинами или вилами, и горе тѣмъ французамъ, что попадались на пути. Конные отряды гусаровъ и казаковъ цѣлою свѣтлою опутывали непріятеля. Не было французамъ пощады, и гибли они тысячами подъ ударами русскихъ. Это такъ называемая партизанская война. Въ довершеніе всего начались лютые морозы; въ сутки замерзало до 300 человѣкъ. Между тѣмъ, русскіе полководцы одерживали одну побѣду за другой; наконецъ, подъ Краснымъ французы потерпѣли окончательное пораженіе: русскіе взяли въ плѣнъ 25 тысячъ человѣкъ и завладѣли 126 пушками. Наполеонъ спѣшилъ къ рѣкѣ Березинѣ; при переправѣ онъ потерялъ еще 20 тысячъ плѣнныхъ, обозъ, артиллерію и всю награбленную въ Москвѣ добычу. Самъ онъ едва спасся бѣгствомъ черезъ Варшаву въ Парижъ.

Такъ кончилась война 1812 года. Россія много потерпѣлась лишеній и горя въ эту тяжелую годину, но зато окрѣпла духомъ, увѣрилась въ своихъ силахъ, приобрѣла уваженіе другихъ европейскихъ государствъ и заняла первенствующее мѣсто въ Европѣ. Русскіе совершили блистательный походъ во Францію въ союзѣ съ Англіей, Австріей и Пруссіей, вступили въ Парижъ и лишили Наполеона престола, назначивъ ему во владѣніе небольшой островъ Эльбу. Впослѣдствіи, онъ еще разъ пытался завладѣть французскимъ престоломъ, но неудачно: его заключили на далекій островъ св. Елены, гдѣ онъ и умеръ.

Б о р о д и н о.

„Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!“

— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы.

Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
„Что-жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?“

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки —
Французы тутъ какъ тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: „Угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;

Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
„Пора добратся до картечи!“
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилежъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликоваль французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось —
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята! не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!“
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ бородинскій бой.

Ну-жъ, быть денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.

Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами —
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блещѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значить русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда-бъ на то не Божья воля,
Не отдали-бъ Москвы!

Дермонтовъ.

Оборона Севастополя.

Городъ Севастополь прославился своей геройской обороной во время Крымской войны. Война эта началась подъ конецъ царствованія императора Николая I и была очень тяжела для Россіи. Ее возбудили Англія и Франція. Оба эти государства желали подорвать могущество Россіи и стали подстрекать противъ нея Турцію. Случай представился. Во владѣніяхъ турецкаго султана въ Іерусалимѣ католики стали притѣснять православныхъ. Султанъ принялъ сторону католиковъ и велѣлъ передать католическому патріарху ключи отъ Храма Господня. Православные лишились возможности свободно поклоняться гробу Господню. Сильно оскорбленные, они обратились за помощью къ императору Николаю Павловичу. Императоръ считалъ себя покровителемъ всѣхъ православныхъ христіанъ, жившихъ въ турецкой имперіи. Онъ вступился за своихъ единовѣрцевъ и потребовалъ, чтобы нарушенныя права православныхъ были восстановлены. Султанъ упорствовалъ, надѣясь на своихъ союзниковъ. Дѣло кончилось войною.

Русскія войска вступили въ европейскія и азіатскія владѣнія турокъ и начали дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ. Тогда Англія и Франція съ своей стороны объявили войну Россіи. На наше отечество поднялась страшная сила. Россія одна, безъ союзниковъ, должна была бороться противъ нѣсколькихъ государствъ. Русскимъ войскамъ пришлось отступить изъ Европейской Турціи. Въ Малой Азіи борьба велась въ продолженіе всей Крымской войны. Враги имѣли огромный флотъ и, благодаря этому, начали нападеніе одновременно съ нѣсколькихъ сторонъ. Ихъ суда неожиданно появлялись въ сѣверныхъ моряхъ Россіи и даже у отдаленныхъ береговъ Сибири. Правда во всѣхъ этихъ мѣстахъ имъ не удалось причинить русскимъ большого вреда. Приступы ихъ были отбиты, но они мѣшали намъ соединить всѣ силы на югѣ Россіи, куда было направлено главное нападеніе. Кромѣ того, на своемъ громадномъ флотѣ непріатели

легко и быстро подвозили себѣ и войска, и продовольствіе, и боевые снаряды. Между тѣмъ, въ Россіи не было тогда желѣзныхъ дорогъ; сообщеніе происходило медленно; требовалось не мало времени, чтобы подвезти все нужное изъ центра Россіи къ ея окраинамъ. Такимъ образомъ, когда сильный непріятельскій флотъ вошелъ въ Черное море и подошелъ къ берегамъ Крыма, тамъ находилось мало войска, и оно было вооружено гораздо хуже непріятельскаго.

Союзныя войска высадились на берегъ, разбили русскую армію, которая хотѣла преградить имъ путь, и двинулись къ Севастополю, нашей лучшей гавани въ Крыму. Севастопольская бухта глубоко врѣзывается въ берегъ; на ея южной сторонѣ лежитъ городъ, а на противоположной, сѣверной, было немного строеній и нѣсколько укрѣпленій. Въ бухтѣ стоялъ весь нашъ военный флотъ. Онъ былъ вдвое меньше непріятельскаго и состоялъ изъ деревянныхъ парусныхъ кораблей. Такія суда двигались медленно и не могли бороться съ сильными непріятельскими пароходами. Нечего было и думать о морской битвѣ съ врагомъ. Рѣшено было пожертвовать флотомъ для спасенія города. Тогда часть кораблей въ два ряда затопили поперекъ бухты, чтобы загородить входъ въ нее съ моря. Морякамъ жалко было смотрѣть на гибель своихъ кораблей; иныя суда съ пробитымъ дномъ долго не тонули, наконецъ, погружались въ воду, поднимая волны вокругъ себя. Только верхушки мачтъ виднѣлись на поверхности.

Какъ приморскій городъ, Севастополь былъ хорошо защищенъ съ моря укрѣпленіями при входѣ въ бухту, но со стороны суши совершенно открытъ. Между тѣмъ, непріятель подвигался съ этой стороны; казалось, что городъ не можетъ сопротивляться. На дѣлѣ вышло иначе. Значительную часть гарнизона, который былъ невеликъ, составляли моряки. Ихъ храбрый начальникъ, адмиралъ Корниловъ, воодушевилъ жителей. Они бросились на работу вмѣстѣ съ солдатами, трудились безъ отдыха и въ пять дней выстроили укрѣпленія вокругъ города. Работами руководилъ генералъ Тотлебенъ; онъ сумѣлъ обра-

тить Севастополь въ хорошо защищенную крѣпость. Укрѣпленія наши представляли, большею частью, пространства, обнесенныя рвомъ и валомъ; изъ отверстій вала высовывались пушки. Тутъ же, за валомъ, въ землянкахъ жили офицеры и солдаты во все время осады. Такъ приготовились русскіе защищаться отъ непріятеля. Онъ шелъ опустошать ихъ родную землю, разорять ихъ родные города, и они готовы были пролить свою кровь за родину. Больше всего пролилось крови въ Севастополѣ. Взять этотъ городъ сдѣлалось цѣлью враговъ. Борьба въ остальныхъ мѣстахъ Крыма не имѣла особеннаго значенія.

12-го сентября 1854 г. непріятель осадилъ съ суши южную часть Севастополя и открылъ страшный огонь; въ то же время союзный флотъ подошелъ съ моря и съ своей стороны началъ осыпать городъ ядрами. Громъ выстрѣловъ потрясалъ воздухъ. Непріятельскія ядра съ зловѣщимъ свистомъ падали на наши укрѣпленія или, перелетая въ городъ, разбивали крыши домовъ. Пули жужжали со всѣхъ сторонъ. Много убитыхъ и раненыхъ падало въ укрѣпленія и на улицахъ города. Ночью ядра, какъ огненные змѣи, бороздили небо. Несмотря на это, работа у солдатъ кипѣла: одни стрѣляли изъ пушекъ, другіе поправляли разбитыя укрѣпленія и возводили новыя, иногда подъ страшнымъ огнемъ непріятеля. Падали одни, на ихъ мѣсто становились другіе. Защитники Севастополя не боялись смерти и дѣлали чудеса храбрости. Солдаты такъ привыкли къ бомбамъ, что смотрѣли на нихъ безъ всякаго страха и даже встрѣчали шутками. Находились смѣльчаки, которые, рискуя жизнью, бросались тушить фитиль у упавшей бомбы, если ее не разрывало сразу. Одинъ солдатъ высыпалъ на упавшую бомбу мѣшокъ земли, который несъ на спинѣ, затушилъ этимъ горѣвшій фитиль и спасъ, такимъ образомъ, себя и своихъ товарищей. Въ другой разъ бомба упала у самой двери порохового погреба; могъ произойти страшный взрывъ; подскочилъ солдатъ и столкнулъ ее подъ гору прикладомъ ружья. Скатившись, бомба разорвалась, но не причинила никому вреда.

Иногда непріятель шелъ на приступъ, чтобы отбить у насъ то или другое укрѣпленіе; начинался рукопашный бой; наши солдаты сражались такъ, что удивляли своею храбростію самихъ враговъ. Часто съ своей стороны русскіе дѣлали вылазки. Отряды въ нѣсколько сотъ человѣкъ подкрадывались къ непріятелю и причиняли ему большой вредъ неожиданными нападеніями. Особенно часто ходилъ на вылазки матросъ Кошка. Его знали всѣ въ Севастополѣ; такъ онъ прославился своими удачными выходками. Напримѣръ, одинъ разъ Кошка замѣтилъ, что непріятельскіе рабочіе ушли изъ своего передового укрѣпленія; онъ забрался туда одинъ и унесъ ихъ инструменты. Въ другой разъ Кошка подкрался къ ямѣ, въ которой сидѣли четыре англичанина и готовили себѣ обѣдъ. Онъ бросился на нихъ съ крикомъ: „Ребята, ура!“ Англичане бѣжали, а Кошка схватилъ ихъ оружіе и обѣдъ и невредимо вернулся назадъ. Особенной отвагой отличались еще такъ называемые „пластуны“. Это были казаки, которые ловко подкрадывались къ укрѣпленіямъ непріятеля, развѣдывали о всѣхъ его движеніяхъ, а иногда брали въ плѣнъ часовыхъ и приводили въ городъ. Нельзя не вспомнить также маленькихъ защитниковъ Севастополя. Нѣсколько мальчиковъ служили рядомъ съ отцами на укрѣпленіяхъ, разносили пищу солдатамъ и подавали заряды. У одного изъ нихъ, ребенка 10 лѣтъ, убили отца, но онъ остался на своемъ мѣстѣ и до конца осады стрѣлялъ изъ маленькой пушки. Не мало нашлось и женщинъ, которыя сдѣлали все, что могли, чтобы помочь защитникамъ Севастополя. Когда всѣ жители съ южной стороны переѣхали на сѣверную, куда попадало меньше ядеръ, нѣсколько матросовъ продолжали жить у самыхъ укрѣпленій. Онѣ стирали бѣлье солдатамъ, готовили пищу и разносили воду на укрѣпленія, не боясь ни пуль, ни ядеръ. Каждый день убивало кого-нибудь изъ дѣтей или женщинъ, но это ихъ не останавливало. Въ госпиталяхъ сестры милосердія ухаживали за ранеными и дѣлали перевязки. Севастопольскіе госпитали представляли страшную картину. Раненыхъ приносили туда сотнями, иные тутъ же умирали.

другимъ доктора, не зная отдыха, дѣлали операции. Въ госпиталяхъ не хватало мѣста для этихъ страдальцевъ. Цѣлые обозы съ ранеными тянулись изъ Севастополя; ихъ везли во всякую погоду, по дурнымъ дорогамъ въ другіе города Россіи, иногда очень далеко. Тамъ они находили пріютъ и уходъ.

Такъ прошли зима и весна; наступило лѣто. Севастополь не сдавался врагамъ. Въ числѣ убитыхъ пали одинъ за другимъ храбрые начальники севастопольскаго гарнизона: адмиралы Корниловъ, Истомина и Нахимовъ, любимецъ матросовъ. Всѣ трое не жалѣли трудовъ, не боялись смерти и дѣлали все, что могли для спасенія города. И войска, и жители горько жалѣли объ этой потерѣ. Въ августѣ главнокомандующій всѣхъ нашихъ войскъ въ Крыму, князь Горчаковъ, далъ непріятелю сраженіе подъ Севастополемъ, думая отбить его отъ города. Русскіе были разбиты. Положеніе Севастополя стало еще тяжелѣе. Всѣ поняли, что спасти его нѣтъ возможности. Всякимъ усиліямъ есть предѣлъ. Тогда построили мостъ черезъ бухту съ южной стороны на сѣверную, чтобы перевести туда войска. Между тѣмъ, непріятель готовился къ штурму. 24 августа началась страшная стрѣльба. Безчисленные ядра сыпались въ городъ. Дымъ выстрѣловъ застилалъ ясное небо, такъ что солнца не было видно. Люди гибли тысячами. Наконецъ, не стало возможности чинить разбитыхъ укрѣпленій.

27 августа 1855 года стрѣльба вдругъ прекратилась; непріятель пошелъ на штурмъ. Полки его со всѣхъ сторонъ двинулись на Севастополь. Русскіе еще разъ, въ послѣдній разъ, сразились съ отчаянной храбростью. Самое страшное нападеніе было направлено на Малаховъ курганъ, наше главное укрѣпленіе. Его защитники сопротивлялись отчаянно, но не могли сладить съ многочисленнымъ непріятелемъ. Малаховъ курганъ былъ взятъ. На немъ поднялось французское знамя. Бой прекратился. Рѣшено было оставить Севастополь. Всю ночь шла переправа; войска двигались по мосту; давка была страшная, а бомбы продолжали разрываться надъ отступающими. Пароходы и лодки перевозили солдатъ и по-

слѣднихъ жителей. Когда кончилась переправа, русскіе развели мостъ, потопили послѣднія суда и зажгли городъ. Непріятель вошелъ въ него черезъ три дня, когда пожаръ потухъ.

Такъ палъ Севастополь послѣ 11-тимѣсячной осады, но слава его защитниковъ сохранилась навсегда. Непріятель, изнуренный осадой, не могъ больше продолжать борьбы и согласился на миръ. Отчасти его побудили къ тому наши успѣхи въ Малой Азіи, гдѣ русскіе взяли приступомъ сильную крѣпость Карсъ. Миръ заключилъ уже императоръ Александръ II, преемникъ императора Николая, скоропостижно скончавшагося во время осады. Императоръ Александръ II не забылъ христіанъ, жившихъ въ турецкой имперіи. По его требованію султанъ торжественно обѣщалъ не угнетать болѣе своихъ христіанскихъ подданныхъ и дать имъ извѣстныя права. Императоръ принужденъ былъ сдѣлать нѣкоторыя уступки; самой важной изъ нихъ было обязательство не имѣть на Черномъ морѣ военнаго флота и не строить крѣпостей по берегамъ. (Черезъ нѣсколько лѣтъ императору Александру II удалось добиться отмены этого условія). Обѣ стороны уступили другъ другу свои завоеванія. Въ томъ числѣ и Севастополь былъ возвращенъ Россіи.

Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ. Городъ поднялся изъ развалинъ и такъ же живописно, какъ прежде, раскинулся вдоль бухты, но на его улицахъ до сихъ поръ встрѣчаешь разрушенные дома рядомъ съ новыми зданіями. Въ городѣ находится музей, въ которомъ собраны портреты севастопольскихъ героевъ и ихъ оружіе, всевозможныя карты и другія воспоминанія объ осадѣ. Могилы адмираловъ находятся въ самомъ городѣ, въ храмѣ св. Владимира, а по другую сторону бухты лежитъ Братское кладбище, гдѣ надъ общей могилой севастопольскихъ защитниковъ виситъ часовня св. Николая.

Севастополь въ декабрѣ мѣсяцѣ 1854 г.

Вы входите въ большую залу. Только что вы отворили дверь, видъ и запахъ 40 или 50 ампутаціонныхъ и самыхъ тяжело-раненыхъ больныхъ, однихъ на койкахъ, большею частью, на полу, вдругъ поражаетъ васъ. Не вѣрьте чувству, которое удерживаетъ васъ на порогѣ залы, — это дурное чувство; идите впередъ, не стыдитесь того, что вы какъ будто пришли *смотреть* на страдальцевъ, не стыдитесь подойти и поговорить съ ними: несчастные любятъ видѣть человѣческое сочувствующее лицо, любятъ разсказать про свои страданія и услышать слова любви и участія. Вы проходите по срединѣ постелей и ищете лицо менѣе строгое и страдающее, къ которому вы рѣшитесь подойти, чтобы побесѣдовать.

— Ты куда раненъ?—спрашиваете вы нерѣшительно и робко у одного стараго, исхудалаго солдата, который, сидя на койкѣ, слѣдитъ за вами добродушнымъ взглядомъ и какъ будто приглашаетъ подойти къ себѣ. Я говорю: „робко спрашиваете“, потому что страданія, кромѣ глубокаго сочувствія, внушаютъ почему-то страхъ оскорбить и высокое уваженіе къ тому, кто переноситъ ихъ.

— Въ ногу,—отвѣчаетъ солдатъ; но въ это самое время вы сами замѣчаете по складкамъ одѣяла, что у него ноги нѣтъ выше колѣна.—Слава Богу теперь,—прибавляетъ онъ:—на выписку хочу.

— А давно ты уже раненъ?

— Да вотъ шестая недѣля пошла, ваше благородіе!

— Что же болитъ у тебя теперь?

— Нѣтъ, теперь не болитъ ничего; только какъ будто въ икрѣ ноетъ, когда непогода, а то ничего.

— Какъ же ты это былъ раненъ?

— На 5-мъ баксіонѣ, ваше благородіе, какъ первая бандировка была: навелъ пушку, сталъ отходить, такимъ манеромъ, къ другой амбразурѣ, какъ онъ ударить

меня по ногѣ, ровно какъ въ яму оступился, глядь, а ноги нѣтъ.

— Неужели больно не было въ эту первую минуту?

— Ничего; только какъ горячимъ чѣмъ меня пхнули въ ногу.

— Ну, а потомъ?

— И потомъ ничего; только какъ кожу натягивать стали, такъ саднило какъ будто. Оно первое дѣло, ваше благородіе, *не думать ничего*: какъ не думаешь, оно тебѣ и ничего. Все больше оттого, что думаетъ человѣкъ.

Въ это время къ вамъ подходитъ женщина, въ сѣренькомъ полосатомъ платьѣ и повязанная чернымъ платкомъ; она вмѣшивается въ вашъ разговоръ съ матросомъ и начинаетъ рассказывать про него, про его страданія, про отчаянное положеніе, въ которомъ онъ былъ четыре недѣли, про то, какъ, бывши раненъ, остановили носилки, съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть на залпъ нашей батареей, какъ великіе князья говорили съ нимъ и пожаловали ему 25 рублей, и какъ онъ сказалъ имъ, что онъ опять хочетъ на бастіонъ, съ тѣмъ, чтобы учить молодыхъ, ежели уже самъ работать не можетъ. Говоря все это однимъ духомъ, женщина эта смотритъ то на васъ, то на матроса, который, отвернувшись и какъ будто не слушая ея, щиплетъ у себя на подушкѣ корпію, и глаза ея блестятъ какимъ-то особеннымъ восторгомъ.

— Это хозяйка моя, ваше благородіе! — замѣчаетъ вамъ матросъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто говорить: „Ужъ вы ее извините. Извѣстно, бабѣ дѣло—глупыя слова говорить“.

— Ну, дай Богъ тебѣ поскорѣе поправиться, — говорятъ вы ему и останавливаетесь передъ другимъ больнымъ, который лежитъ на полу и, какъ кажется, въ нестерпимыхъ страданіяхъ ожидаетъ смерти.

Это бѣлокурый, съ пухлымъ и блѣднымъ лицомъ человѣкъ. Онъ лежитъ навзничъ, закинувъ назадъ лѣвую руку, въ положеніи, выражающемъ жестокое страданіе. Сухой открытый ротъ съ трудомъ выпускаетъ хрипящее дыханіе; голубые оловянные глаза закачены кверху, и

изъ-подъ сбившагося одѣяла высунуть остатокъ правой руки, обернутый бинтами. Тяжелый запахъ мертваго тѣла сильнѣе поражаетъ васъ, и пожирающій внутренній жаръ, проникающій всѣ члены страдальца, проникаетъ какъ будто и васъ.

— Что онъ безъ памяти? — спрашиваете вы у женщины, которая идетъ за вами и ласково, какъ на родного, смотреть на васъ.

— Нѣтъ, еще слышитъ, да очень плохъ, — прибавляетъ она шопотомъ. — Я его нынче чаемъ поила — что жъ хоть и чужой, все надо жалость имѣть, — такъ ужъ не пилъ почти.

— Какъ ты себя чувствуешь? — спрашиваете вы его.

Раненый поворачиваетъ зрачки на вашъ голосъ, но не видитъ и не понимаетъ васъ.

— У сердцѣ гхорить.

Немного далѣе вы видите стараго солдата, который перемѣняетъ бѣлье. Лицо и тѣло его какого-то коричневаго цвѣта и худы, какъ скелетъ. Руки у него совсѣмъ нѣтъ: она выщелущена въ плечѣ. Онъ сидитъ бодро, онъ поправился; но по мертвому, тусклому взгляду, по ужасной худобѣ и морщинамъ лица вы видите, что это существо, уже выстрадавшее лучшую часть своей жизни.

Съ другой стороны, вы увидите на койкѣ страдальческое, блѣдное и нѣжное лицо женщины, на которомъ играетъ во всю щеку горячечный румянецъ.

— Это нашу матроску 5-го числа въ ногу задѣло бомбой, — скажете вамъ ваша путеводительница: — она мужу на бастионъ обѣдать носила.

— Что жъ, отрѣзали?

— Выше колѣна отрѣзали.

Теперь, ежели нервы ваши крѣпки, пройдите въ дверь налѣво: въ той комнатѣ дѣлаютъ перевязки и операци. Вы увидите тамъ докторовъ съ окровавленными по локти руками и блѣдными, угрюмыми физиономіями, занятыхъ около койки, на которой съ открытыми глазами и говоря, какъ въ бреду, бессмысленныя, иногда простыя и трогательныя слова, лежитъ раненый, подъ вліяніемъ хлороформа. Доктора заняты отврати-

тельнымъ, но благодѣтельнымъ дѣломъ ампутацій. Вы увидите, какъ острый кривой ножъ входитъ въ бѣлое здоровое тѣло, увидите, какъ съ ужаснымъ, раздирающимъ крикомъ и проклятіями раненый вдругъ придеть въ чувство, увидите, какъ фельдшеръ бросить въ уголь отрѣзанную руку, увидите, какъ на носилкахъ лежитъ, въ той же комнатѣ, другой раненый и, глядя на операцію товарища, корчится и стонетъ, не столько отъ физической боли, сколько отъ моральныхъ страданій ожиданія, — увидите ужасныя, потрясающія душу зрѣлища, увидите войну не въ правильномъ, красивомъ и блестящемъ строѣ, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, съ развѣвающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну въ настоящемъ ея выраженіи — въ крови, въ страданіяхъ, въ смерти...

Л. Толстой.

Крестьянская реформа и отмена тѣлесныхъ наказаній.

Вступивъ на престолъ, императоръ Александръ II рѣшилъ сдѣлать цѣлый рядъ перемѣнъ во внутреннемъ управленіи Россіи. Онъ началъ прежде всего съ самаго необходимаго: съ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Императоръ и его помощники нѣсколько лѣтъ работали надъ этимъ труднымъ дѣломъ. 19 февраля 1861 года императоръ Александръ II подписалъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ; его объявили по всей Россіи. „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, — говорилъ въ манифестѣ императоръ, — и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“. Въ городахъ и деревняхъ манифестъ читали въ церквахъ, и вездѣ народъ съ глубокой радостью слушалъ великую вѣсть о своей свободѣ и благословлялъ Царя-Освободителя.

Крестьяне стали такими же свободными людьми, какъ лица другихъ сословій. Власть помѣщиковъ надъ ними была уничтожена; отмѣнена барщина, т. е. обязательныя работы на помѣщика; крестьяне могли теперь свободно

мѣнять мѣсто жительства, ихъ дѣти принимались въ среднія и высшія учебныя заведенія. вмѣстѣ съ свободой надо было дать народу и средства къ существованію. Русскіе крестьяне занимаются, главнымъ образомъ, хлѣбопашествомъ; слѣдовательно, необходимо было надѣлать ихъ землей. Земля принадлежала помѣщикамъ; изъ нихъ не всѣ охотно отпускали на волю своихъ крестьянъ: они лишались даровыхъ работниковъ и части земли. Поэтому императоръ Александръ II закономъ обязалъ помѣщиковъ дать крестьянамъ надѣлы земли. Съ другой стороны, крестьяне получали землю не даромъ, но должны были выплатить за нее владѣльцу деньгами или работою.

Правительство желало, чтобы крестьяне получили почти такое же количество земли, какимъ пользовались въ крѣпостномъ состояніи. Поэтому законъ опредѣлялъ приблизительно величину крестьянскаго надѣла и размѣръ платы за него. И то и другое точнѣе и подробнѣе указывалось въ условіи, которое заключали между собою помѣщикъ и крестьяне. Заключеніемъ этихъ условій руководили особые лица, мировые посредники. Они заботились о справедливомъ веденіи дѣла и объ исполненіи договоровъ. Мировые посредники назначались изъ лучшихъ людей въ губерніи. Крестьяне получили землю, но должны были ежегодно платить помѣщикамъ оброкъ до тѣхъ поръ, пока не выплачивали всего своего долга. Правительство желало, чтобы крестьяне поскорѣе избавились отъ своихъ обязательствъ. Для этого оно выкупило у помѣщиковъ крестьянскую землю. Съ тѣхъ поръ крестьяне получили землю въ полное владѣніе и выплачиваютъ за нее правительству извѣстные платежи. Эти платежи называются выкупными платежами. Крестьяне платятъ ихъ до сихъ поръ.

Такимъ образомъ, получило свободу и собственность все крестьянское сословіе, самое многочисленное въ Россіи. Теперь ему нужно было дать внутреннее управленіе. При крѣпостномъ правѣ крестьянами управляли собственныя помѣщики. Когда власть ихъ была уничтожена, рѣшено было предоставить крестьянамъ самимъ распо-

ряжаться своими общественными дѣлами, т. е. дать имъ самоуправленіе. Учреждены были сельскія общества и волости. Это были учрежденія, отчасти уже знакомыя народу. Тѣ крестьяне, которые принадлежали не помѣщикамъ, а государству, и до освобожденія отъ крѣпостной зависимости имѣли сельскія и волостныя общества. Императоръ Александръ II ввелъ сельское и волостное управленіе у всѣхъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

Крестьяне каждой деревни составили сельское общество, или міръ. Они сообща владѣли землею и сообща платили государственные и другіе налоги, т. е. были связаны круговой порукой. Не платилъ одинъ крестьянинъ — за него отвѣчали другіе. Зато они сами распоряжались своими землями и слѣдили за тѣмъ, чтобы всѣ члены общества исполняли свои обязанности. Крестьяне, владѣвшіе надѣломъ, собирались на сельскій сходъ и выбирали сельскаго старосту. Онъ предсѣдательствовалъ на сходахъ, созывая ихъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ. Сельскій сходъ дѣлилъ общественную землю между крестьянами, раскладывалъ налоги, рѣшалъ, сколько надо собрать денегъ на мірскіе расходы, заботился о содержаніи церквей, школъ, дорогъ и о благоустройствѣ селенія. Сельскій сходъ получилъ право принимать новыхъ членовъ въ сельское общество и исключать порочныхъ крестьянъ изъ своей среды. Сельскій староста обязывался исполнять всѣ рѣшенія сельскаго схода. Кромѣ того, староста имѣлъ извѣстную власть и наблюдалъ за общественнымъ порядкомъ. За маловажные проступки онъ могъ подвергать виновныхъ наказанію: штрафу не болѣе рубля, аресту до двухъ дней и назначенію на общественныя работы до двухъ дней.

Нѣсколько сельскихъ общинъ соединялись въ волость. Отъ каждыхъ десяти дворовъ выбиралось по одному человѣку. Они собирались вмѣстѣ и составляли волостной сходъ. Кромѣ того, на волостномъ сходѣ принимали участіе всѣ сельскіе старосты. Предсѣдательствовалъ на немъ выборный волостной старшина. Волостной

сходъ завѣдывалъ общественными дѣлами всей волости. Рѣшеніе его исполняло волостное правленіе, которое состояло изъ волостного старшины и сельскихъ старостъ. Волостной старшина имѣлъ самостоятельную власть и наблюдалъ за порядкомъ въ волости. Виновныхъ въ легкихъ проступкахъ онъ могъ подвергать тѣмъ же наказаніямъ, какъ и сельскій староста. Изъ числа членовъ волостного схода выбирались волостные судьи. Волостной судъ судилъ только крестьянъ своей волости. Онъ разбиралъ имущественныя тяжбы на небольшія суммы и дѣла о наслѣдствахъ; судилъ виновныхъ въ маловажныхъ проступкахъ. Закономъ было строго опредѣлено, какого рода дѣла могъ разбирать волостной судъ. Волостной судъ могъ приговаривать виновныхъ къ небольшому штрафу, не свыше трехъ рублей, къ аресту до 7 дней, къ общественнымъ работамъ до 6 дней и къ наказанію розгами. Судъ происходилъ устный: обѣ спорящія стороны и свидѣтели на словахъ давали показанія, а судьи произносили приговоръ.

Внутреннее самоуправленіе, данное крестьянамъ послѣ освобожденія, въ главныхъ основаніяхъ сохранилось до сихъ поръ.

Освободивъ крестьянъ, императоръ Александръ II не могъ не обратить вниманія на другой жестокій порядокъ въ государствѣ. Въ Россіи отъ старыхъ временъ сохранились тяжелыя тѣлесныя наказанія для преступниковъ. Наказаніе розгами считалось легкимъ. Преступниковъ били публично на площадяхъ плетью безъ различія пола и возраста, клали клейма приговореннымъ къ каторгѣ. Въ войскахъ виновнаго прогоняли сквозь строй, т. е. заставляли проходить между двумя рядами солдатъ, которые били его палками. Часто во время такого наказанія человекъ падалъ мертвымъ, такъ что оно равнялось смертной казни. Такія истязанія преступниковъ были жестоки, позорны и бесполезны. Они не исправляли людей, а только ожесточали. Александръ II понималъ это и отмѣнилъ указомъ тѣлесныя наказанія. Съ этихъ поръ по суду никто не могъ быть приговоренъ

къ тѣлесному наказанію. Въ войскахъ оно также было уничтожено. Только волостному суду оставлено право приговаривать виновныхъ къ наказанію розгами. Такимъ образомъ, Александръ II сохранилъ одинъ видъ тѣлеснаго наказанія, но предоставилъ его примѣненіе самому народу. Крестьяне могли, если хотѣли, не употреблять этого позорнаго наказанія, которое оскорбляетъ и унижаетъ человѣка. Къ сожалѣнію, оно постоянно употреблялось на волостномъ судѣ и существуетъ до сихъ поръ. Можно, однако, надѣяться, что наказаніе розгами въ скоромъ времени будетъ окончательно уничтожено.

В о л я.

Это было ранней весной 1861 года. Внизъ по Дону шель буксирный пароходъ. На пароходѣ быть разнородный людъ: казаки и ярославскіе плотники, караванъ татаръ, ѣхавшихъ на богомолье въ Мекку, нѣмцы-колонисты. Фокусникъ сталъ тутъ же показывать фокусы; итальянецъ-скульпторъ, ѣхавшій изъ Астрахани, разложилъ кучу разныхъ фигурокъ и предлагалъ ихъ желающимъ купить. Какая-то казацкая помѣщица, счастливая маменька взрослога сына, жаловалась вслухъ, сидя на чемоданѣ и кушая съ сыномъ то булочку, то пряники, что дорого жить стало на свѣтѣ и что рабочіе выбились изъ рукъ.

А пароходъ плыть и плыть далѣе, ночуя у одинокихъ войсковыхъ станицъ или у рыбацкихъ пристаней и перевозовъ.

Тянулись обливаемые мутными водами и затопленные по маковки вербъ и дубовъ луга и песчаные бугры, рыбацкія землянки; между ними стада овецъ, выгнанныхъ на первыя весеннія травы, взлетающія тамъ и здѣсь стада гусей, утокъ и пеликановъ. У береговъ стали являться обширныя бревенчатыя станицы съ высокими церквами, лавками и торговыми площадями. Замелькали синіе чекмени, красные лампасы шароваръ и сабли казаковъ; кое-гдѣ у станицъ, по отвѣснымъ ка-

менистымъ горамъ, отражавшимъ съ весны солнечные лучи, чернѣли рядами жерди и колья, уже увитые полными прядями виноградныхъ лозъ. По крутымъ тропинкамъ, съ коромыслами на плечахъ, шли, въ красныхъ и черныхъ шапочкахъ, черноглазые, съ русыми косами казаки.

У какой-то донской станицы, съ войсковымъ окружнымъ правленіемъ, двумя церквами и школою на берегу, пароходикъ поддало теченіемъ къ камнямъ, и онъ простоялъ съ часъ на мели.

Мальчикъ, сынъ донской помѣщицы, успѣлъ въ это время съ другими подростками сбѣгать на берегъ, въ городъ, за орѣхами.

— Отчего въ городѣ звонять? Развѣ праздникъ завтра? — спросилъ кто-то, когда пароходъ вновь отчалить.

— Волю читали сегодня въ церквахъ, — отвѣтилъ мальчикъ.

— Про волю? — пронесся гулъ въ толпѣ, и слушатели тѣснѣе сгустились вокругъ мальчика.

— Кто тебѣ навралъ объ этомъ? Ахъ ты негодяй... Вотъ уши опять нарву! — кричала маменька.

Мальчикъ не унялся и все разсказалъ. Товарищи поддержали его слова.

Сильно откликнулась эта вѣсть въ сердцахъ слушателей.

— Недаромъ нашъ пароходъ къ камнямъ тамъ прибило! — толковали другіе путники изъ озадаченныхъ, пораженныхъ донельзя и радостно-потрясенныхъ помѣщичьихъ крестьянъ. — Это Господь насъ причалилъ туда, чтобы мы вѣсть эту услышали дорогой; недаромъ мы провозились у берега, намокли въ водѣ и назяблись.

Перебирали десятки мнѣній и предположеній, вновь приступили къ мальчику, но онъ мало объяснилъ имъ. Путники съ замирающимъ сердцемъ высматривали съ барки: скоро ли мелькнетъ еще какая-нибудь большая прибрежная станица. День былъ ясный, тихій. Солнце ярко катилось по небу. Пароходъ, пыхтя, плылъ вдоль пустынныхъ береговъ.

А благовѣстное слово о волѣ, наконецъ, дѣйствительно прилетѣло и на югъ и громко раздавалось тутъ въ то время, какъ пароходъ плылъ внизъ по Дону. Эта вѣсть открыто и урывками, верхомъ на казацкихъ скакунахъ и въ почтовыхъ конвертахъ и сумкахъ, подвигалась впередъ, далѣе, въ города, войсковыя станицы, казачьи и помѣщичьи села и въ одинокіе хутора и деревушки. Вѣсть эту несла людямъ южная весна на обтаявшія горы, на воскресшія синѣющія долины, черезъ затопленные еще въ половодьи степи и вдоль шумныхъ, мутныхъ и рокочущихъ рѣкъ, вмѣстѣ съ этою вѣстью ломавшихъ льды, мосты, плотины и всякіе гати и затворы.

— Скоро ли Цымла?

— Скоро ли Аксай?

— Скоро ли Ростовъ? — допрашивали стараго лоцмана, хмураго Лобка, нетерпѣливые путники, томясь на пароходѣ.

— Скоро; не высохнете еще, не убудетъ васъ! — отвѣчалъ сердитый лоцманъ. — Потерпите...

Выплыла, вся въ знаменитыхъ виноградныхъ садахъ по скалистымъ ребрамъ окрестныхъ горъ, веселая Цымлянская станица. Народъ празднично двигался по берегу и издали махалъ пароходу платками... Подплыли. Громкое ура! — и незнакомые люди бросились другъ къ другу, поздравляя всѣхъ съ дѣйствительно прочитанною волею.

Народъ на пароходѣ шумѣлъ, ликовалъ.

— И чего они радуются? — злобно шептала помѣщица-казачка попадѣ. — Еще перепьются и потопятъ насъ дорогою, водка здѣсь дешева.

Народъ, однако, не перепился, пароходикъ благополучно двинулся далѣе. Узнавныя болѣе подробно вѣсти передавались въ отдѣльныхъ кружкахъ на палубѣ.

На утренней зарѣ одного изъ слѣдующихъ дней на пароходѣ крикнули: „Ростовъ, Ростовъ“...

Вскорѣ путники сошли на берегъ и простились другъ съ другомъ и съ хмурымъ лоцманомъ Лобкомъ.

Данилевскій.

Картинка.

(Послѣ манифеста 19 февраля 1861 года).

Посмотри: въ избѣ, мерцая, Свѣтитъ огонекъ; Возлѣ дѣвочки-малютки Собрался кружокъ; И съ трудомъ, отъ слова къ слову	И пришлось ей, младенцу, Старикамъ прочесть Про желанную свободу Дорогую вѣсть! Самой вѣсти смыслъ пока- мѣсть
Пальчикомъ вода, По печатному читаетъ Мужичкамъ дитя. Мужички въ глубокой думѣ Слушаютъ, молчать; Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы	Темень имъ и ей, Но всѣ чуютъ надъ собою. Зорю новыхъ дней... Вспыхнетъ, братья, эта зорь- ка!
Уняли ребятъ. Бабы суютъ дѣтямъ соску, Чтобы ротъ заткнуть, Чтобъ самимъ хоть краемъ уха	Тьма идетъ къ концу! Ваши дѣтки ужъ увидятъ Свѣтъ лицомъ къ лицу! Тьма пускай еще ярится! День взойдетъ могучъ! Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу Первый свѣтлый лучъ.
Слышать что-нибудь. Даже съ печи не слѣзавшій Много-много лѣтъ, Свѣсилъ голову и смотреть, Хоть не слышитъ, дѣдъ. Что-жъ такъ слушаютъ ма- лютку,—	Онъ горитъ ужъ на голов- кѣ, Онъ горитъ въ очахъ Этой умницы-малютки Съ книжкою въ рукахъ! Воля, братья, это только Первая ступень
Аль ужъ такъ умна?.. Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣ- етъ	Въ царство мысли, гдѣ сия- етъ Вѣковѣчный день.
Грамотѣ она.	Майковъ.

Земскія реформы и городскія реформы.

Однимъ изъ важныхъ преобразованій императора Александра II было введеніе „Земскаго положенія“. Оно

измѣнило все мѣстное управленіе въ губерніяхъ. Въ каждой мѣстности есть нужды и потребности общія для всѣхъ жителей: для всѣхъ одинаково необходимо, чтобы существовали больницы, богадѣльни, школы, чтобы проѣзжія дороги хорошо содержались и многое другое. На такое общественное хозяйство нужны деньги. Деньги эти собирались съ самого населенія и назывались земскими налогами. До реформы сборомъ земскихъ налоговъ и управленіемъ мѣстными дѣлами завѣдывало само правительство. Всѣ эти обязанности были возложены, главнымъ образомъ, на губернаторовъ и на мѣстную полицію. Дѣла были запутаны, вести ихъ было трудно. Никакой общественной работы нельзя было сдѣлать безъ разрѣшенія начальства. Это разрѣшеніе не всегда могъ дать губернаторъ. Приходилось обращаться въ Петербургъ къ высшимъ властямъ, и дѣло, такимъ образомъ, затягивалось. Александръ II рѣшилъ, что мѣстные жители должны сами завѣдывать своими дѣлами: они хорошо знаютъ, что нужно для ихъ края, какія улучшенія слѣдуетъ сдѣлать и сколько денегъ они могутъ собрать. Для веденія общественнаго хозяйства и были основаны уѣздныя и губернскія земскія учрежденія.

По положенію императора Александра II, жители cadaго уѣзда, безъ различія сословій, съѣзжались разъ въ три года и составляли избирательный съѣздъ. Право участвовать въ немъ имѣлъ каждый мужчина не моложе 25-ти лѣтъ, который владѣлъ въ уѣздѣ извѣстнымъ количествомъ земли. Этотъ съѣздъ изъ своей среды выбиралъ уѣздныхъ гласныхъ; уѣздные гласные выбирались на три года и должны были разъ въ году съѣзжаться на уѣздное земское собраніе. Здѣсь они большинствомъ голосовъ рѣшали всѣ хозяйственныя дѣла, которыя касались ихъ уѣзда. Уѣздное земское собраніе назначало, сколько надо собрать денегъ съ уѣзда, и раскладывало эти налоги на имущества жителей. Оно распоряжалось устройствомъ и содержаніемъ уѣздныхъ земскихъ больницъ, школъ, путей сообщенія и многимъ другимъ. Привести въ исполненіе свое рѣшеніе и постоянно вести дѣла собраніе поручало нѣсколькимъ лицамъ; лица эти

выбирались на три года и составляли уѣздную земскую управу, которая ежедневно засѣдала въ уѣздномъ городѣ.

Кромѣ того, уѣздное собраніе каждого уѣзда выбирало изъ числа своихъ членовъ губернскихъ гласныхъ тоже на три года. Эти выборные отъ всѣхъ уѣздовъ съѣзжались вмѣстѣ разъ въ годъ и составляли губернское земское собраніе. Губернское собраніе большинствомъ голосовъ рѣшало хозяйственныя дѣла всей губерніи. Оно раскладывало губернскіе земскіе налоги на жителей, распоряжалось имуществомъ, принадлежащимъ губерніи, общественными зданіями, сооруженіями, разными благотворительными учрежденіями, заботилось о страхованіи построекъ и скота, о путяхъ сообщенія и о многомъ другомъ. Губернское собраніе выбирало на три года губернскую земскую управу и поручало ей веденіе дѣлъ.

Уѣздныя собранія находились въ нѣкоторомъ подчиненіи у губернскаго, а иногда получали отъ него распоряженія и указанія. Точно такъ же и губернская управа могла обращаться съ требованіями къ уѣзднымъ управамъ. Надъ дѣйствіями земскихъ учреждений существовалъ надзоръ правительства; онъ былъ порученъ ближайшимъ образомъ губернатору, а затѣмъ высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ.

Такимъ образомъ, императоръ Александръ II далъ Россіи мѣстное самоуправленіе. Онъ привлекъ людей всѣхъ сословій къ участію въ мѣстныхъ дѣлахъ. Земство принесло пользу странѣ; оно основало не мало новыхъ полезныхъ общественныхъ учреждений и увеличило число прежнихъ. Земскія учрежденія существуютъ и дѣйствуютъ до сихъ поръ, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями, которыя сдѣлалъ императоръ Александръ III.

Вслѣдъ за введеніемъ „Земскаго положенія“, Александръ II обратилъ вниманіе на устройство городовъ. Каждый городъ нуждается въ извѣстномъ благоустройствѣ и въ общественныхъ учрежденіяхъ. Еще Екатерина II задумала предоставить жителямъ самимъ вести свои дѣла; она дала городамъ нѣкоторое самоуправленіе, но попытка эта не удалась; городское управленіе постепенно

пришло въ упадокъ. Императоръ Александръ II обновилъ его введеніемъ „Городового положенія“. На содержаніе городскихъ общественныхъ учреждений всѣ жители, которые имѣли въ городѣ собственность, занимались торговлей или промысломъ, платили городскіе налоги. Всѣ мужчины, не моложе 25-ти лѣтъ, платившіе эти налоги, собирались вмѣстѣ безъ различія сословій и выбирали гласныхъ въ городскую думу. Время отъ времени городская дума собиралась подъ предсѣдательствомъ городского головы, котораго она сама выбирала. Городская дума рѣшала дѣла относительно благоустройства города; устраивала больницы, библіотеки, рынки, пристани и т. д.; дума же устанавливала денежные налоги на жителей и распоряжалась городскими доходами и имуществами. Городская дума имѣла право издавать постановленія, обязательныя для городскихъ жителей. Она могла требовать отъ нихъ содержанія въ порядкѣ улицъ, площадей, исполненія различныхъ мѣръ для предохраненія города отъ заразныхъ болѣзней и многого другого. Для постоянного веденія городскихъ дѣлъ дума выбирала нѣсколькихъ лицъ на четыре года. Лица эти составляли городскую управу и засѣдали ежедневно подъ предсѣдательствомъ городского головы. Городскія учрежденія, подобно земскимъ, находились подъ надзоромъ губернатора и высшихъ правительственныхъ учреждений.

Такимъ образомъ, императоръ Александръ II далъ жителямъ возможность самимъ заботиться объ улучшеніи своего города. Городское управленіе дѣйствуетъ до сихъ поръ, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями.

Судебныя реформы и воинскій уставъ.

Императоръ Александръ II далъ новое устройство русскимъ судамъ. Еще при вступленіи на престолъ, онъ обѣщалъ дать народу судъ правый и милостивый. Въ старыхъ судахъ дѣла часто рѣшались несправедливо, велись писменно и очень медленно, а приговоры долго

не исполнялись. Александръ II рѣшилъ исправить эти недостатки.

Для рѣшенія мелкихъ дѣлъ были учреждены мировые судьи. Они ближе всего стояли къ народу. Мировыхъ судей выбирало само населеніе на уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. Такихъ судей было нѣсколько въ каждомъ уѣздѣ. Каждый изъ нихъ завѣдывалъ отдѣльнымъ участкомъ. При разборѣ дѣла мировой судья прежде всего долженъ былъ попытаться примирить спорящія стороны. Отсюда произошло самое названіе мировыхъ судей. Если попытка не удавалась, начинался судъ. Онъ происходилъ публично: всякій желающій могъ войти и слушать, какъ ведется дѣло. Судъ велся устно: обѣ спорящія стороны и свидѣтели на словахъ давали показанія, а судья постановлялъ рѣшеніе. При такомъ простомъ порядкѣ дѣла рѣшались быстро.

Недовольные рѣшеніемъ судьи могли жаловаться на него въ мировой сѣздъ. Этотъ сѣздъ состоялъ изъ мировыхъ судей всѣхъ участковъ и почетныхъ мировыхъ судей, которые тоже выбирались уѣздными земскими собраніями. Сѣздъ могъ измѣнить рѣшеніе судьи. Если одна изъ сторонъ опять находила неправильность въ рѣшеніи дѣла, то могла перенести его въ Правительствующій Сенатъ. Сенатъ былъ высшимъ судебнымъ учрежденіемъ государства; онъ не разбиралъ собственно рѣшеніе суда, но если находилъ неправильность въ самомъ веденіи дѣла, то передавалъ его въ другой мировой сѣздъ для новаго разбирательства.

Таковъ былъ порядокъ для веденія менѣе важныхъ дѣлъ. Болѣе крупныя дѣла разбирались совсѣмъ другими учрежденіями, въ которыя судьи назначались правительствомъ. На нѣсколько уѣздовъ былъ учрежденъ одинъ окружной судъ. Въ немъ разбирались дѣла гражданскія и уголовныя. Дѣло называется гражданскимъ, когда двое или нѣсколько лицъ спорятъ о своемъ правѣ, напримѣръ, о правѣ на имущество, о правѣ требовать исполненія какого-нибудь обязательства отъ другого лица; уголовнымъ дѣло называется тогда, когда идетъ рѣчь о наказаніи за преступленіе, напримѣръ, за кражу, убій-

ство, поджогъ и т. д. Въ окружныхъ судахъ дѣло велось публично и устно. Въ гражданскихъ дѣлахъ допрашивались обѣ судящіяся стороны и свидѣтели, затѣмъ выслушивалась защитительная рѣчь или самого обвиняемаго, или его защитника, которому онъ поручилъ говорить за себя. Выслушавши все дѣло, судъ произносилъ приговоръ. Недовольные рѣшеніемъ окружного суда могли жаловаться въ судебную палату. Судебная палата дѣйствовала одна на нѣсколько губерній. Она могла измѣнить рѣшеніе окружного суда. На рѣшеніе судебной палаты могла быть принесена жалоба въ Правительствующій Сенатъ. Если Сенатъ находилъ неправильность въ рѣшеніи дѣла, онъ передавалъ его въ другую судебную палату для новаго разбирательства.

Въ уголовныхъ дѣлахъ до суда производилось разслѣдованіе дѣла; обязанность эта лежала на прокурорѣ и подчиненныхъ ему судебныхъ слѣдователяхъ. Порядокъ самаго разбирательства былъ тотъ же, какъ въ дѣлахъ гражданскихъ. Разница заключалась только въ томъ, что прокуроръ произносилъ обвинительную рѣчь, въ которой выражалъ свое мнѣніе о виновности подсудимаго. Кромѣ того, въ уголовныхъ дѣлахъ принимали участіе такъ называемые присяжные засѣдатели. Всѣ мѣстные жители, безъ различія сословій, поочередно исполняли эту обязанность. Александръ II думалъ, что для того, чтобы судить, виновенъ ли человѣкъ или нѣтъ, нужны только здравый смыслъ и совѣсть. Присяжные засѣдатели, въ числѣ 12 человѣкъ, присутствовали на судѣ, выслушивали дѣло, затѣмъ совѣщались между собой и рѣшали, виновенъ ли невиновенъ подсудимый. Дѣло судей было опредѣлить по законамъ наказаніе, котораго заслуживалъ подсудимый, если онъ былъ обвиненъ. По жалобѣ недовольной стороны Сенатъ могъ отмѣнить рѣшеніе суда присяжныхъ, если находилъ неправильность въ самомъ веденіи дѣла. Въ такомъ случаѣ онъ передавалъ дѣло на разсмотрѣніе суда съ другими присяжными засѣдателями.

Такимъ образомъ, императоръ Александръ II привлекъ само населеніе къ участію въ судѣ. Мировые судьи вы-

бирались самимъ населеніемъ. Среди присяжныхъ засѣдателей засѣдали рядомъ лица всѣхъ сословій. Судъ сдѣлался устнымъ и публичнымъ; это много способствовало его правильности. Кромѣ того, судьи были сдѣланы несмѣняемыми, т. е. не могли быть уволены иначе, какъ по суду за какіе-нибудь проступки. Поэтому судья могъ по совѣсти произносить приговоръ и не бояться оскорбить сильныхъ и вліятельныхъ лицъ. Наконецъ, правильности рѣшенія много способствовалъ самый порядокъ разбирательства: каждое дѣло могло быть рассмотрѣно нѣсколько разъ, а слѣдовательно, ошибка всегда могла быть исправлена. Судебные уставы императора Александра II значительно улучшили русскіе суды. Въ настоящее время мировые судьи остались только въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ; другія судебныя учрежденія дѣйствуютъ до сихъ поръ, но съ нѣкоторыми измѣненіями.

Затѣмъ Александръ II обратилъ вниманіе на войско. Военская повинность была очень тяжела для народа. Ее несли крестьяне и мѣщане, а дворяне были отъ нея свободны. Солдатъ долженъ былъ служить 25 лѣтъ; такимъ образомъ, онъ почти на всю жизнь отрывался отъ семьи и отъ родныхъ мѣстъ, а когда подъ старость возвращался домой, часто оставался одинокимъ и безъ средствъ къ существованію. Кромѣ того, самая служба въ войскахъ была тогда очень тяжела. По закону преступники, вмѣсто ссылки въ Сибирь, могли быть отданы въ солдаты; помѣщики старались сбыть въ солдаты самыхъ плохихъ крѣпостныхъ людей. Понятно, что всякій, кто могъ, старался избавиться отъ военной повинности. По закону, можно было откупиться отъ нея, внеся въ казну извѣстную сумму денегъ, или нанять за себя охотника. Такъ поступали всѣ, кто былъ побогаче, а бѣдные поневолѣ шли въ солдаты. Александръ II понялъ необходимость облегчить народу военскую повинность и улучшить составъ самаго войска. Императоръ считалъ, что защищать отечество есть долгъ каждаго гражданина, какого бы сословія онъ ни былъ: была введена всеобщая военская повинность.

Ежегодно всѣхъ молодыхъ людей на 21-мъ году начинали призывать къ набору. Число ихъ въ Россіи было такъ велико, что на дѣйствительную службу брали только часть, а остальныхъ зачисляли въ ополченіе. Записанные въ ополченіе оставались дома, но въ случаѣ войны могли быть призваны на службу. Благодаря этому, русское войско могло увеличиться, по первому требованію, до громаднѣхъ размѣровъ. Жеребій, который тянули въ особомъ воинскомъ присутствіи, рѣшалъ, кому отбывать воинскую повинность. Въ этомъ же присутствіи свидѣтельствовали молодыхъ людей и принимали на службу только здоровыхъ. Срокъ службы былъ сокращенъ. По уставу императора Александра II солдатъ долженъ былъ служить 7 лѣтъ въ дѣйствительной службѣ и 15 лѣтъ числиться въ ополченіи. Отказываться отъ воинской повинности не дозволялось никому, но зато были установлены льготы. Онѣ давались тѣмъ молодымъ людямъ, которые были необходимы въ семьѣ, напримѣръ, единственному сыну у родителей или старшему сыну при малолѣтнихъ братьяхъ. Получившіе льготу по закону шли въ солдаты только въ томъ случаѣ, если не хватало тѣхъ, которые льготы не имѣли. Этого никогда не случалось; обыкновенно получившихъ льготу прямо зачисляли въ ополченіе. Кромѣ того, по уставу, давалась отсрочка для окончанія курса тѣмъ молодымъ людямъ, которые достигали призывнаго возраста, находясь въ учебныхъ заведеніяхъ. Это было сдѣлано для того, чтобы воинская повинность не мѣшала образованію народа. Воинскій уставъ скорѣе поощрялъ къ нему населеніе тѣмъ, что сокращалъ срокъ службы для молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ учебномъ заведеніи. При этомъ, чѣмъ выше было то учебное заведеніе, которое проходилъ молодой человѣкъ, тѣмъ короче былъ для него срокъ службы. Сама служба въ войскахъ сдѣлалась гораздо легче. Содержаніе солдатъ стало лучше, чѣмъ прежде. Благодаря короткому сроку службы, солдатъ возвращался назадъ полный силъ и, если онъ былъ крестьяниномъ, то вступалъ во владѣніе прежнимъ наделомъ.

Воинскій уставъ императора Александра II принесъ большую пользу странѣ. Онъ дѣйствуетъ до сихъ поръ почти безъ измѣненій.

Внѣшнія дѣянія императора Александра II.

Царствованіе императора Александра II ознаменовано важными внѣшними дѣяніями. Однимъ изъ первыхъ было покореніе Кавказа. Съ сѣвера на югъ русскія владѣнія простирались до подножья Кавказскихъ горъ. По другую ихъ сторону лежали Грузія и другія мелкія государства, которыя добровольно отдались въ подданство Россіи еще при императорѣ Павлѣ I. Примыкая съ двухъ сторонъ къ русскимъ владѣніямъ, Кавказскія горы были населены независимыми, воинственными племенами горцевъ. Ихъ селенія ютились на неприступныхъ крутизнахъ; хижины, грубо сложенныя изъ камня, съ плоскими крышами, сами казались горами скалъ. Жизнь горцевъ была трудна и полна опасностей. Они сѣяли хлѣбъ на клочкахъ мягкой земли, которую находили среди скалъ, держали немного скота и довольствовались самой скудной пищей. Вся тяжелая работа лежала на женщинахъ; мужчина не разставался со своимъ конемъ и оружіемъ. Каждое селеніе управлялось своими старѣйшинами по древнимъ обычаямъ. Въ числѣ этихъ обычаевъ была кровавая месть за убійство. Родственники убитаго мстили убійцѣ и всему его роду, а потомъ, въ свою очередь, подвергались ихъ мести. Такимъ образомъ, нерѣдко возгоралась безконечная вражда между семьями. Часто отдѣльныя племена враждовали другъ съ другомъ. Этотъ воинственный народъ исповѣдовалъ магометанскую религію и ненавидѣлъ христіанъ, что дѣлало его еще болѣе опаснымъ сосѣдомъ для пограничныхъ русскихъ подданныхъ.

Горцы постоянно нападали на наши владѣнія; грабили мирныхъ жителей долинъ и уводили ихъ въ плѣнъ. Русское правительство давно стремилось усмирить кавказскихъ горцевъ и присоединить къ Россіи весь Кавказъ

съ его плодородными теплыми долинами, нетронутыми лѣсами и неразработанными минеральными богатствами. Впродолженіе 50 лѣтъ тянулась безуспѣшная борьба. Наконецъ, послѣ окончанія Крымской войны, императоръ Александръ II рѣшилъ усмирить эти воинственные племена и покончить войну, которая стоила много крови. Въ это время во главѣ горцевъ стоялъ воинственный и умный начальникъ — Шамиль. Онъ былъ ихъ главнымъ духовнымъ лицомъ и имѣлъ большую власть. Императоръ

Императоръ Александръ II.

Александръ II назначилъ на Кавказъ новаго намѣстника, князя Барятинскаго, и отдалъ въ его распоряженіе большое войско. Война приняла рѣшительный оборотъ. Русскимъ войскамъ трудно было дѣйствовать среди незнакомой гористой мѣстности. Глубокія пропасти, ущелья, непроходимые лѣса—все это загоразживало путь. Между тѣмъ, горы защищались отчаянно. Горячая любовь къ родинѣ и общая ненависть къ пришельцамъ заставили ихъ соединиться вмѣстѣ. Зная каждую тропинку въ родныхъ горахъ, они дѣлали на русскихъ неожиданныя нападенія, устраивали засады, встрѣчали ихъ выстрѣлами изъ-за деревьевъ и камней. Наши войска преодолевали всѣ эти препятствія. Занимая новую мѣстность, они рубили просѣки въ лѣсахъ, прокладывали дороги и строили крѣпости. Такимъ образомъ, русскіе постепенно проникали вглубь страны и все болѣе и болѣе тѣнили Шамиля. Наконецъ, сопротивленіе горцевъ стало ослабѣвать; племена ихъ начали покоряться одно за другимъ. Шамиль, всюду разбитый, съ послѣднимъ отрядомъ укрѣпился на неприступной горѣ. Русскимъ удалось ночью взобраться на гору и окружить его со всѣхъ сторонъ. Храбрый начальникъ горцевъ принужденъ былъ сдаться

и былъ отвезенъ на житье въ Россію вмѣстѣ со своимъ семействомъ. Съ его паденіемъ борьба, однако, не прекратилась; только черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ многихъ усилій, русскимъ удалось покорить весь Кавказъ. Многіе горцы, не желая подчиниться Россіи, выселились въ Турцію. Горы сильно опустѣли. Населеніе Кавказа рѣдко и до сихъ поръ, а природныя его богатства далеко не разработаны, хотя теперь мирные жители могутъ спокойно селиться въ этомъ краѣ.

Другимъ важнымъ дѣломъ императора Александра II были его завоеванія въ Средней Азіи. На границѣ съ русскими владѣніями, на востокъ и на югъ отъ Аральскаго моря, лежали три ханства: Коканъ, Бухара и Хива. Населеніе исповѣдовало магометанскую религію и управлялось ханами, которые имѣли неограниченную власть. Часть этой страны представляетъ песчаная пустыня; зато по берегамъ рѣкъ лежатъ плодородныя долины съ теплымъ климатомъ, удобныя для земледѣлія. Осѣдлое населеніе страны составляли сарты, занимавшіеся земледѣіемъ, между тѣмъ какъ въ пустыняхъ бродили кочевники. Многолюдные города сартовъ были обнесены стѣнами и состояли изъ глинобитныхъ одноэтажныхъ домовъ съ плоскими крышами. Среди этихъ однообразныхъ построекъ попадались древніе дворцы и мечети; иные изъ нихъ, полуразрушенные, поражали своимъ великолѣпіемъ. Это памятники глубокой древности, тѣхъ временъ, когда страна эта процвѣтала, когда значительная часть теперешней пустыни, орошенная каналами, давала жителямъ громадныя урожаи. Со временемъ населеніе страны уменьшилось; каналы были заброшены, и земледѣіе сдѣлалось возможнымъ только въ долинахъ рѣкъ.

Несмотря на свои мирныя занятія, сарты были почти дикимъ народомъ. Они постоянно враждовали между собою и заодно съ кочевниками нападали на русскія владѣнія. Они грабили пограничныхъ жителей и русскихъ купцовъ, уводили ихъ въ плѣнъ, а потомъ продавали въ рабство. Русское правительство пыталось заключать съ ханами мирные договоры, но это ни къ

чему не вело. Ханы считали себя въ безопасности отъ Россіи, отдѣленной отъ нихъ степями и пустынями; они нарушали мирные договоры и продолжали свои разбои. Императоръ Александръ II рѣшилъ усмирить ихъ оружіемъ и присоединить къ Россіи всю эту мѣстность. Легче всего было достигнуть Коканскаго ханства; туда были посланы два отряда нашихъ войскъ. Военныя дѣйствія шли успѣшно: вездѣ русскіе, подъ начальствомъ Черняева, разбивали полчища коканцевъ и брали приступомъ ихъ города. Главное сраженіе произошло около большого города Ташкента, гдѣ коканцы были разбиты, и городъ взятъ приступомъ. Тогда коканскій ханъ покорился русскому царю.

Вслѣдъ затѣмъ было завоевано сосѣднее Бухарское ханство. Бухарскій эмиръ самъ вступилъ въ борьбу съ русскими, надѣясь отнять у нихъ ихъ завоеванія. Этимъ онъ ускорилъ свое паденіе; его войска терпѣли пораженія; города сдавались. Эмиръ упорно боролся до тѣхъ поръ, пока русскіе не проникли въ самую середину его страны; тогда онъ покорился.

Оставалась Хива. Огражденный со всѣхъ сторонъ пустынями, хивинскій ханъ продолжалъ разбои. Тогда русскія войска, подъ начальствомъ Кауфмана, совершили трудный переходъ черезъ пустыню. Солдаты двигались по сыпучимъ пескамъ, подъ палящимъ солнцемъ; они терпѣли всякія лишенія и особенно страдали отъ недостатка воды. Вся трудность предпріятія заключалась въ этомъ переходѣ. Когда наши войска достигли Хивы, они покорили все ханство въ нѣсколько дней. Главный городъ Хива сдался почти безъ сопротивленія и былъ занятъ русскими войсками.

Съ этихъ поръ во всѣхъ трехъ ханствахъ русскіе стали вводить свои порядки. Цѣлыя тысячи рабовъ были отпущены на свободу. Коканцы пробовали поднять возстаніе противъ русскихъ, но были усмирены. Послѣ этого весь Коканъ былъ присоединенъ къ Россіи. Бухарскій и хивинскій ханы до сихъ поръ сохранили часть своихъ владѣній, но находятся въ зависимости отъ русскаго правительства. Въ большей части края введено русское

управленіе; въ странѣ начали селиться наши поселенцы. Теперь русскимъ предстоитъ заботиться объ ея развитіи, которое до сихъ поръ идетъ довольно медленно. Пески пустыни съ каждымъ годомъ надвигаются на нее все болѣе и болѣе, и только орошая страну, по примѣру ея древнихъ обитателей, можно поднять ея благосостояніе.

Подъ конецъ своего царствованія императоръ Александръ II былъ вынужденъ вступить въ войну съ Турціей. На Балканскомъ полуостровѣ, въ турецкихъ владѣніяхъ, живутъ народы одного съ нами славянскаго племени и православнаго вѣроисповѣданія. Изъ нихъ одни черногорцы составляли въ то время самостоятельное княжество. Сербское королевство находилось въ зависимости отъ султана. Болгаре, босняки и герцеговинцы населяли три турецкія провинціи и терпѣли отъ турокъ постоянныя притѣсненія. Россія не разъ вступалась за своихъ единовѣрцевъ; турки давали торжественныя обязательства прекратить притѣсненія, но не исполняли ихъ. Наконецъ, жестокости ихъ до того усилились, что въ Босніи и Герцеговинѣ вспыхнуло возстаніе; къ нему присоединились сербы и черногорцы. Поднялась страшная борьба. Сначала славяне одержали нѣсколько побѣдъ. Тогда турки стали мстить: они жгли селенія и избивали жителей, не щадя даже дѣтей.

Русскіе не могли равнодушно смотрѣть на страданія своихъ братьевъ. Изъ Россіи посыпались денежныя пожертвованія; шли цѣлыя отряды добровольцевъ на защиту славянъ. Въ числѣ этихъ добровольцевъ былъ извѣстный генералъ Черняевъ, который командовалъ всѣмъ сербскимъ войскомъ. Война продолжалась. Турки стали одерживать верхъ; они ворвались въ Сербію и готовились разгромить ее дотла. Тогда императоръ Александръ II потребовалъ отъ султана немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій. Султанъ исполнилъ это требованіе, потому что не былъ готовъ къ войнѣ съ Россіей. Начались переговоры объ устройствѣ славянъ въ турецкомъ государствѣ. Александръ II, желая избѣжать войны, былъ очень уступчивъ; онъ требовалъ для славянъ только самыхъ необходимыхъ облегченій. Султанъ вдругъ сталъ упорство-

вать, подстрекаемый Англіей, а самъ тѣмъ временемъ готовился къ войнѣ. Во время этихъ переговоровъ турки произвели новую страшную рѣзню въ Болгаріи. Тогда императоръ Александръ объявилъ войну султану.

Въ концѣ апрѣля 1877 года русскія войска вступили одновременно въ европейскія и азіатскія владѣнія Турціи. Они шли не для завоеваній, они шли спасти своихъ единоплеменниковъ и освободить ихъ отъ тяжелаго турецкаго ига. Въ Азій война велась съ перемѣннымъ успѣхомъ; наконецъ, русскіе одержали верхъ и взяли сильную крѣпость Карсъ. Въ Европѣ война началась переходомъ нашихъ войскъ черезъ Дунай. Это было смѣлое и опасное дѣйствіе. Мѣсто переправы было удачно скрыто отъ враговъ; ожидая ее въ другомъ мѣстѣ, турки не успѣли ей воспрепятствовать. Русскія войска начали переправляться на лодкахъ и плоткахъ черезъ огромную рѣку съ страшно быстрымъ теченіемъ. Когда русскіе овладѣли другимъ берегомъ рѣки, они навели мостъ, по которому перешли остальные войска. Послѣ переправы черезъ Дунай наши успѣхи на время остановились. Настало опасное время. Русскія войска, прислоненныя къ Дунаю, оказались окруженными тремя турецкими арміями. Одна изъ нихъ грозила намъ съ востока; на западѣ 50 тысячъ турецкаго войска занимали сильную крѣпость Плевну. Русскіе три раза пытались взять ее приступомъ; она не сдавалась. Цѣлыя тысячи нашихъ солдатъ гибли подъ ея стѣнами. Въ то же время съ юга наступала сильная турецкая армія. Ее остановилъ небольшой русскій отрядъ въ узкомъ горномъ проходѣ Шипка. Впродолженіе нѣсколькихъ дней горсть русскихъ выдерживала яростныя атаки турокъ и уже совсѣмъ погибала, когда генералъ Радецкій съ отрядомъ внезапно явился на помощь. Турки отступили. Наконецъ, пала и Плевна. Генералъ Тотлебенъ, прославившійся ранѣе при оборонѣ Севастополя, осадилъ ее со всѣхъ сторонъ и голодомъ принудилъ сдаться всю многочисленную турецкую армію. Успѣхи русскихъ возобновились. Совершенъ былъ необычайно трудный переходъ черезъ Балканскія горы. Войска наши шли въ

зимнюю пору по едва проходимымъ крутизнамъ и везли съ собою пушки. Спускъ былъ еще труднѣе подъема; приходилось по веревкамъ спускать пушки, которыя грозили каждую минуту оборваться и передавить людей. Кончился переходъ. Русскіе двинулись вглубь страны, одерживая одну побѣду за другой. Турецкія силы были окончательно уничтожены. Русскіе были уже въ 10 верстахъ отъ Константинополя, столицы Турціи, когда султанъ попросилъ мира. Императоръ Александръ II согласился, желая прекратить кровопролитную войну. Мирный договоръ былъ заключенъ.

Впослѣдствіи, по настоянію другихъ европейскихъ государствъ, условія мира были сильно измѣнены въ ущербъ славянамъ. Тѣмъ не менѣе, освободительная цѣль войны была достигнута: владѣнія Черногоріи были увеличены; Сербія получила независимость; Боснія и Герцеговина отошли къ Австріи; часть Болгаріи была обращена въ независимое княжество, и только ея южная половина осталась турецкой провинціей; наконецъ, султанъ обязался не притѣснять болѣе православныхъ жителей турецкой имперіи. Россія по этому миру получила въ Европѣ часть Бессарабіи, а въ Азіи — крѣпость Карсъ съ областью и приморскій городъ Батумъ.

Н а б ѣ р ѣ .

Мы уже почти догоняли баталіонъ, когда сзади насъ послышался топотъ скачущей лошади, и въ ту же минуту проскакалъ мимо очень хорошенькій, молоденькій юноша въ офицерскомъ сюртукѣ и высокой бѣлой папахѣ. Поровнявшись съ нами, онъ улыбнулся, кивнулъ головой капитану и взмахнулъ плетью... Я успѣлъ замѣтить только, что онъ какъ-то особенно граціозно сидѣлъ на сѣдлѣ и держалъ поводья, и что у него были прекрасные черные глаза, тонкій носикъ и едва пробивавшіеся усики. Мнѣ особенно понравилось въ немъ то, что онъ не могъ не улыбнуться, замѣтивъ, что мы любуемся имъ. По одной этой улыбкѣ можно было заключить, что онъ еще очень молодъ.

— И куда скачешь? — съ недовольнымъ видомъ про-
бормоталъ капитанъ, не выпуская чубука изъ рта.

— Кто это такой? — спросилъ я его.

— Прапорщикъ Аланинъ, субалтернъ-офицеръ моей
роты... Еще только въ прошломъ мѣсяцѣ прибылъ изъ
корпуса.

— Вѣрно онъ въ первый разъ идетъ въ дѣло? —
сказалъ я.

— То-то и радешенекъ! — отвѣчалъ капитанъ, глу-
бокомысленно покачивая головой. — Молодость!

— Да какъ же не радоваться? Я понимаю, что для
молодого офицера это должно быть очень интересно.

Капитанъ помолчалъ минуты двѣ.

— То-то, я и говорю, молодость! — продолжалъ онъ ба-
сомъ. — Чему радоваться, ничего не видя! Вотъ, какъ по-
ходишь часто, такъ не порадуешься. Насъ вотъ, поло-
жимъ, теперь 20 человѣкъ офицеровъ идетъ; кому-ни-
будь да убитымъ или раненымъ быть — ужъ это вѣрно.
Нынче мнѣ, завтра ему, а послѣзавтра третьему: такъ
чему же радоваться-то?

Какъ только мы вступили въ узкій перелѣсокъ, съ
обѣихъ сторонъ стали безпрестанно мелькать конные и
пѣшіе горцы, и такъ близко, что я очень хорошо ви-
дѣлъ, какъ нѣкоторые, согнувшись, съ винтовкой въ
рукахъ, перебѣжали отъ одного дерева къ другому.

Капитанъ снялъ шапку и набожно перекрестился;
нѣкоторые старые солдаты сдѣлали то же. Въ лѣсу по-
слышалось гиканье. Сухіе, короткіе винтовочные выстрѣлы
слѣдовали одинъ за другимъ, и пуди визжали съ обѣихъ
сторонъ. Наши молча отвѣчали бѣглымъ огнемъ; въ ря-
дахъ ихъ только изрѣдка слышались замѣчанія въ родѣ
слѣдующихъ: „онгъ“) откуда палить, ему хорошо изъ-за
лѣса, орудію бы нужно...“ и т. д.

Орудія вѣзжали въ цѣпь, и, послѣ нѣсколькихъ
залповъ картечью, непріятель, казалось, ослабѣвалъ, но
черезъ минуту и съ каждымъ шагомъ, который дѣлали
войска, снова усиливалъ огонь, крики и гиканье.

*) Онгъ — собирательное названіе, подъ которымъ кавказскіе солдаты ра-
зумѣютъ вообще непріятеля.

Едва мы отступили сажень на триста отъ аула, какъ надъ нами со свистомъ стали летать непріятельскія ядра. Я видѣлъ, какъ ядромъ убило солдата... Но зачѣмъ разсказывать подробности этой страшной картины, когда я самъ дорого бы далъ, чтобы забыть ее!

Хорошенькій прапорщикъ былъ въ восторгѣ: прекрасные черные глаза его блестѣли отвагой, ротъ слегка улыбался; онъ безпрестанно подѣзжалъ къ капитану и просилъ его позволенія броситься *на ура*.

— Мы ихъ отобьемъ, — убѣдительно говорилъ онъ, — право, отобьемъ.

— Не нужно, — коротко отвѣчалъ капитанъ: — надо отступать.

Вдругъ въ той сторонѣ, гдѣ стоялъ хорошенькій прапорщикъ со взводомъ, послышалось недружное и негромкое ура. Оглянувшись на этотъ крикъ, я увидѣлъ человѣкъ тридцать солдатъ, которые, съ ружьями въ рукахъ и мѣшками на плечахъ, насилу-насилу бѣжали по вспаханному полю. Они спотыкались, но все двигались впередъ и кричали. Впереди ихъ, выхвативъ шашку, скакалъ молодой прапорщикъ.

Все скрылось въ лѣсу...

Черезъ нѣсколько минутъ гиканья и трескотни, изъ лѣсу выбѣжала испуганная лошадь, и въ опушкѣ показались солдаты, выносившіе убитыхъ и раненыхъ; въ числѣ послѣднихъ былъ молодой прапорщикъ. Два солдата держали его подъ мышки. Онъ былъ блѣденъ, какъ платокъ, и хорошенькая головка, на которой замѣтна была только тѣнь того воинственного восторга, который одушевлялъ ее за минуту предъ этимъ, какъ-то страшно углубилась между плечъ и спустилась на грудь. На бѣлой рубашкѣ, подъ разстегнутымъ сюртукомъ, виднѣлось небольшое кровавое пятнышко.

— Ахъ, какая жалость! — сказалъ я невольно, отворачиваясь отъ этого печальнаго зрѣлища.

— Извѣстно, жалко, — сказалъ старый солдатъ, который, съ угрюмымъ видомъ, облокотясь на ружье, стоялъ подлѣ меня.

Четыре солдата на носилкахъ несли прапорщика; за ними фушштатскій солдатъ велъ худую разбитую лошадь, съ навьюченными на нее двумя зелеными ящиками, въ которыхъ хранилась фельдшерская принадлежность. Дожидались доктора. Офицеры подъѣзжали къ носилкамъ и старались ободрить и утѣшить раненаго.

— Ну, братъ Аланинъ, нескоро опять можно будетъ поплясать, — сказалъ съ улыбкой подъѣхавшій поручикъ.

Онъ, должно-быть, полагалъ, что слова эти поддержать бодрость хорошенькаго прапорщика; но, сколько можно было замѣтить по холодно-печальному выраженію взгляда послѣдняго, слова эти не произвели желаннаго дѣйствія.

Подъѣхалъ и капитанъ. Онъ пристально посмотрѣлъ на раненаго, и на всегда равнодушно-холодномъ лицѣ его выразилось искреннее сожалѣніе.

— Что, дорогой мой Анатолій Ивановичъ? — сказала онъ голосомъ, звучащимъ такимъ нѣжнымъ участіемъ, какого я не ожидалъ отъ него. — Видно, такъ Богу угодно.

Раненый оглянулся; блѣдное лицо его оживилось печальною улыбкою.

— Да, васъ не послушался.

— Скажите лучше, такъ Богу угодно, — повторилъ капитанъ.

Пріѣхавшій докторъ принялъ отъ фельдшера бинты, зондъ и другую принадлежность и, засучивая рукава, съ ободрительною улыбкой подошелъ къ раненому.

— Что, видно, и вамъ сдѣлали дырочку на цѣломъ мѣстѣ? — сказалъ онъ шуточно небрежнымъ тономъ. — Покажите-ка.

Прапорщикъ повиновался; но въ выраженіи, съ которымъ онъ взглянулъ на веселаго доктора, были удивленіе и упрекъ, которыхъ не замѣтилъ этотъ послѣдній. Онъ принялся зондировать рану и осматривать ее со всѣхъ сторонъ; но, выведенный изъ терпѣнія, раненый съ тяжелымъ стономъ отодвинулъ его руку.

— Оставьте меня, — сказалъ онъ чуть слышнымъ голосомъ, — все равно я умру.

Съ этими словами онъ упалъ на спину, и черезъ пять минутъ, когда я, подходя къ группѣ, образовавшейся подлѣ него, спросилъ у солдата: „Что прапорщикъ?“ — онъ отвѣчалъ: „*Отходитъ*“.

Л. Толстой.

Сестра милосердія.

I.

Сестра Раевская проснулась подъ мокрымъ, запла-
таннымъ шатромъ. Дикій холодный вѣтеръ, словно отпѣ-
вая кого-то, носился по влажной, утонувшей подъ ту-
манами болгарской равнинѣ, кружился вокругъ шатра,
врывался подъ его полотнища, трепетавшія словно отъ
испуга, обдавалъ сыростью и стужей лица нѣсколькихъ
дѣвушекъ, лежавшихъ здѣсь на прогнившей насквозь
отъ осеннихъ ливней соломѣ, и убѣгалъ дальше — къ
чернымъ склонамъ и оврагамъ. Въ шатрѣ слышалось тя-
желое дыханіе, чей-то бредъ, стонъ во снѣ. Раевская
на мгновеніе остановила болѣзненный взглядъ своихъ
потускнѣвшихъ глазъ на грязномъ фонарѣ, качавшемся
отъ вѣтра подъ пологомъ шатра. Еще недавно это была
русоволосая дѣвушка съ чистымъ, свѣжимъ, яркимъ ли-
чикомъ. Куда дѣлись ея волосы? Отчего поблекло ея ли-
чко, все въ синихъ пятнахъ какихъ-то, осунувшееся?
Ей страшно теперь и взглянуть въ зеркало. Это не она,
совсѣмъ не она. Еще на-дняхъ ея знакомый шелъ мимо
нея. Видалась она съ нимъ часто въ Петербургѣ.

— Здравствуйте! — улыбнулась она ему.

Онъ съ недоумѣніемъ приподнял фуражку.

— Виновать... Съ кѣмъ имѣю честь...

— Неужели вы не узнаете меня?.. Раевская!

Тотъ вспыхнулъ, крѣпко пожалъ ей руку. Помолчалъ
перѣшительно.

— Что, я очень перемѣнилась?

— Да... — просто отвѣтилъ онъ. — Что съ вами было?

— Два тифа выдержала... Да и работа у насъ, сами знаете, какая...

— Ольга Петровна, уѣзжайте скорѣе... Вы сдѣлали уже слишкомъ много, будетъ съ васъ. Спасайтесь сами теперь... Ради Бога!..

— Меня и то посылають въ Россію... Говорятъ, еще два мѣсяца—и я умру здѣсь.

— Какъ легко вы говорите это!..

— Притерпѣлась...

Да!.. И она, и всѣ эти ея подруги... Подвигъ ихъ незамѣтенъ; только солдатъ унесетъ воспоминаніе о немъ въ свою глухую, далекую деревушку, — солдатъ, котораго выходили онѣ, отвоевали у смерти... Онѣ стали дѣйствительными сестрами народу, — онѣ, отовсюду собравшіяся на поле сраженія съ грязныхъ улицъ большихъ городовъ и изъ золоченыхъ гостиныхъ, съ одинаковой цѣлью возлюбить своего ближняго больше себя, послужить ему и умереть за него, если понадобится. Сколько могилъ выросло посреди болгарскихъ пустырей надъ замучившимися на работѣ сестрами! Сколько сотенъ ихъ стоятъ теперь, ожидая смерти, истомленные, блѣдные, чахлые, но не опускающія своихъ рукъ, не теряющія бодрости и вѣры!

II.

День зарождался въ туманѣ — холодный, тусклый, промозглый... Вдали разгоралась перестрѣлка. Мимо палатокъ и шатровъ лазарета, расплываясь въ слякоти, медленно двигались на боевыя позиціи солдаты.

— Сестра Раевская! Вы назначены въ Россію, назадъ, — улыбается ей молодой врачъ. — Потрудились, будетъ!

— Да, я знаю...

— Собирайтесь... Завтра надо выѣзжать. Я съ вами буду говорить серьезно: вамъ надо долго поправляться... А главное — не въ Петербургѣ. Уѣзжайте куда-нибудь на далекій югъ. Вы женщина богатая, вамъ ничего не значить дорогахъ... Я бы вамъ совѣтовалъ въ Алжиръ...

Сестры тоже прощались съ нею, глядя на нее съ завистью. Теплыя и сухія комнаты, свѣжія постели, горячая пища снились и грезились имъ, захлаждавшимъ здѣсь, какъ невѣсть какое счастье...

— Только бы съ недѣлечку отогрѣться и тогда, пожалуй, опять назадъ!— говорили онѣ.

Раевская стала укладываться.

Окончивъ со своимъ сундукомъ, она сѣла на него и задумалась. Еще вчера получила она отъ кузины письмо и не успѣла отвѣтить на него. Та была замужемъ за однимъ изъ нашихъ консуловъ заграницей и давно звала къ себѣ Ольгу Петровну. Машинально она вытащила изъ кармана измятый листокъ и стала перечитывать его. „Тутъ у насъ хорошо, несмотря на ноябрь, солнце грѣетъ, и небо безоблачно... Я еще ни разу не надѣвала пальто. Съ утра до вечера мы на балконѣ и любимся прозрачнымъ заливомъ и синимъ Капри вдали.. Вотъ море! Оно мерцаетъ. Везувій налѣво тяжело дышитъ, иначе не знаю, съ чѣмъ и сравнить это... Приѣзжай сюда скорѣе, и я тебѣ ручаюсь, что ты справишься мѣсяца въ два совершенно!“ Она закрыла глаза.

— Сестра!.. Степановъ умираетъ!.. Бѣдный... у него уже бредъ начался.

Разомъ точно не стало всѣхъ этихъ призраковъ... Точно унесло ихъ куда-то неожиданнымъ порывомъ вѣтра. Ольга Петровна даже уронила письмо.

— Какъ умираетъ?.. Да вѣдь онъ оправлялся?

— Развѣ можно оправиться отъ этой гнили?.. И думать смѣшно!.. Не увезли его во-время—ну, теперь простая, легкая рана и обратилась въ гангрену... Докторъ приказалъ вынести его къ тѣмъ... знаешь, что въ антоновомъ огнѣ...

— Надо пойти къ нему... Онъ такъ радовался, такъ жить хотѣлъ...

— Ты ѣдешь въ Россію!.. Тебѣ нельзя. Пожалуйста, оставайся у себя... безъ тебя найдутся!.. Тамъ зараза вѣдь... Еще сама заболѣешь...

Но Раевская уже не слышала.

III.

Въ сторонѣ шалашъ изъ хвороста. Лѣтомъ его сложили здѣсь. Въ окрестности было много зелени — и онъ стоялъ веселый и зеленый. Теперь зелень пожелтѣла, осыпалась, и темные грязные прутья одни торчали вороньимъ гнѣздомъ посреди осенней слякоти... Сюда сносили всѣхъ, кого отмѣчала гангрена своею страшною печатью. Отсюда былъ одинъ только выходъ — въ могилу. Ампутацій среди этихъ условій нельзя было производить. Рѣзуть въ одномъ мѣстѣ — чернѣетъ выше въ другомъ. Сестра Раевская шла сюда. Она не боялась заразы и сидѣла надъ умирающими цѣлые дни и ночи. Она говорила умирающимъ о далекой родинѣ, писала имъ письма домой и своей кроткой улыбкой, своимъ примиряющимъ спокойствіемъ умѣла влить и въ ихъ страждущія души надежду и миръ... Люди, умирая на ея рукахъ, въ послѣднія мгновенія слышали ея ободряющій и ласковый голосъ... И, къ удивленію другихъ, на ихъ устахъ, вмѣсто отпечатка страданій и мучительной боли, лежалъ тихій отсвѣтъ какого-то невыразимаго счастья.

— Ну что, Степановъ? — спросила Раевская, входя въ этотъ плетень.

Метавшійся на соломѣ раненый дико взглянулъ на нее и опять завожился, стараясь тщетно снять со своего лица точно сѣвшую паутину, какъ ему казалось... Она внимательно взглянула на него и положила ему на голову свою худую и блѣдную руку... Мало-по-малу бредъ его сталъ утихать... Онъ ужъ нѣсколько разъ широко открывалъ глаза и пристально, съ какимъ-то наивнымъ удивленіемъ, всматривался въ Ольгу Петровну... Лѣвая рука его, все снимавшая паутину, стала двигаться медленнѣе и, наконецъ, совсѣмъ опустилась... Скоро въ чертахъ его мелькнулъ лучъ сознанія...

— Сестра... голубушка... родимая!.. — послышалось ей.

Бредъ смѣнился всхлипываньемъ, точно каждый звукъ, прежде чѣмъ вырваться наружу, вздрагивалъ и останавливался въ горлѣ у страдальца.

— Сестра милая... Всѣ бросили... всѣ ушли — ты одна со мною... Спаси тебя Богъ... Дай Онъ тебѣ...

— Ну, полно, полно... Кто же тебя бросить... Видятъ, что тебѣ лучше, потому и пошли къ другимъ, кому потяжелѣе... А я сюда зашла отдохнуть и поболтать съ тобою...

— Вотъ, вотъ спасибо!.. — веселѣлъ солдатъ. — Вотъ спасибо, мать ты наша родненькая... Измаялась съ нами и ты, голубушка...

— Теперь недолго... вмѣстѣ въ Россію поѣдемъ.

— Какъ вмѣстѣ?

— Такъ... тебя назначили назадъ; дома выздоровѣешь...

— Дома?!.. — и точно солнце бросило свой прощальный свѣтъ на чернѣвшее лицо его. — Дома-то, слава-те Господи... У насъ семья хорошая, большая; живемъ, сестра, зажиточно: однѣхъ коровъ три держимъ, четыре лошади. Вотъ у насъ какъ!.. Мать ты наша, чистая голубка!

И онъ уже не отрывалъ отъ нея своего просіяваго взгляда.

— Только ты не уходи! — молилъ онъ ее. — Потому, безъ тебя пропадать станемъ... Ты меня не брось...

— Нѣтъ, нѣтъ, не брошу!

Усталая рука ея осталась на его горячемъ лбу. Она не переставала улыбаться умирающему и долго-долго говорила ему о родимой сторонѣ, о далекой семьѣ, которая ждетъ не дождется своего дорогого сына... Слушая ее, отходилъ Степановъ счастливый и улыбающійся. И когда черная смерть подкрадывалась къ нему, когда сердце его въ ея костлявыхъ рукахъ замирало, — съ лица его все же не сходило выраженіе счастья; онъ видѣлъ уже вокругъ себя милыхъ и близкихъ людей, видѣлъ ихъ въ кроткомъ взглядѣ сестры, слышалъ ихъ голоса въ ея только ему одному понятныхъ словахъ...

— Скоро... скоро... домой!.. — повторялъ онъ за нею. — Домой... хорошо дома!..

И, казалось, безкровныя уста еще продолжали говорить это, когда она, опустивъ его вѣки на уже неподвижные глаза, перекрестила умершаго.

„Всѣ бросили, всѣ ушли,—ты одна со мною!..“ припомнились ей слова Степанова, которая ей такъ часто случалось слышать отъ раненыхъ и больныхъ. Неужели же она теперь бросить ихъ и уйти? Неужели же то горячее солнце, то синее небо, тѣ счастливые люди заставятъ ее забыть этотъ міръ скорби и мукъ, гдѣ она была ангеломъ-хранителемъ, гдѣ одно ея появленіе заставляло утихать злыя страданія и замирать болѣзненные стоны!.. Неужели подъ говоръ волнъ теплаго и ласковаго моря она не услышитъ больше этихъ дорогихъ словъ: „Сестрица, голубушка, родимая!..“ Какъ, зная о здѣшнихъ страданіяхъ, она будетъ дышать благоуханіемъ южныхъ садовъ, воздухомъ, утонувшимъ въ голубомъ свѣтѣ горъ?.. И она могла думать, мечтать объ этомъ?.. Нѣтъ, здѣсь ея мѣсто, здѣсь, пока еще сердце бьется въ груди, пока глаза видятъ и уши слышатъ!

— Нѣтъ, я не брошу васъ... не уйду... я останусь съ вами! — вся въ слезахъ, умиленная, повторяла она.

И она не ушла, отказавшись отъ всего... Она не ушла къ голубому морю, къ дорогимъ людямъ, къ любви, такъ жгуче звавшей ее за тридцать земель... Но не ушла она и отъ смерти также, уже сторожившей мученицу.

Немировичъ-Данченко.